

Джайнские истории

Название книги в оригинале

(НЕВЕДОМАЯ ВЕТКА, НЕВИДАННЫЙ ЦВЕТOK)
(Кои Дали Кой Фул)

Написано
Ачарьяшри Ватсаладип Суришварджи
/Истории из джайнизма/

ગૂર્જર ગ્રંથરત્ન કાર્યાલય

રતનપોળનાકા સામે, ગાંધી માર્ગ,

અમદાવાદ-380 001

ફોન : 079-22144663, 26564279

e-mail : sharda.mudranalay@gmail.com

તા. 22-1-2019

ધર્મપ્રિય સ્વજનશ્રી

આચાર્યશ્રી વાત્સલ્યદીપસૂરીશ્વરજી મ.ના નામથી અને સાહિત્યથી આપ પરિચિત છો. તેઓશ્રી ગુજરાતી ભાષાના જાણીતા લેખક, વક્તા અને ચિંતક છે. તેમણે વર્ષો પૂર્વે ‘કોઈ ડાળી, કોઈ ફૂલ’ નામનું ગુજરાતીમાં લખેલું પુસ્તક રશિયન ભાષામાં અનુવાદિત થયું છે. કોઈ જૈનાચાર્યનું પુસ્તક રશિયન ભાષામાં રૂપાંતર પામે તે એક ઐતિહાસિક ઘટના ગણાય અને તેમાં નિમિત્ત બનવાનો અમને ખૂબ આનંદ છે. આ પુસ્તકના અનુવાદની ઘટના લેખકશ્રીએ પુસ્તકની પ્રસ્તાવનામાં આલેખી છે.

અમે જાણીએ છીએ કે આ પુસ્તક રશિયન ભાષાના જાણકારને જ ઉપયોગી છે છતાં આપની પાસે તે એક નમૂનારૂપ સામગ્રીરૂપે સચવાય, તેવા ઉદ્દેશથી આપને તેની એક ભેટ નકલ મોકલતાં પ્રસન્નતા અનુભવીએ છીએ. કુશળ હશે. પત્રોત્તર પાઠવશો.

લિ. ગૂર્જર ગ્રંથરત્ન કાર્યાલય વતી

મનુભાઈ શાહના જયજિનેન્દ્ર

Джайнские истории

Название книги в оригинале

(НЕВЕДОМАЯ ВЕТКА, НЕВИДАННЫЙ ЦВЕТОК)
(Кои Дали Кой Фул)

Написано

Ачарьяшри Ватсаладип Суришварджи
/Истории из джайнизма//

Предисловие, перевод с гуджарати, примечания
Алексея Смирнова

издатель

Гурджар Грантхратна Карялая
Фонтан, Ганди Марг, Ахмадабад,
Гуджарат, Индия (контакт: 380001)

НЕВЕДОМАЯ ВЕТКА, НЕВИДАННЫЙ ЦВЕТOK
(Кои Дали Кой Фул: Гуджарати (индийский) Произношение)

Написано

Ачарьяшри Ватсаядип Суришварджи
/Истории из джайнизма//

Первое издание: ноябрь 2019 года

Price ₹ : 100

\$: 3

ISBN : 978-93-5162-601-5

издатель

Гурджар Грантхратна Карялая

Фонтан, Ганди Марг,

Ахмадабад, Гуджарат,

Индия (Pin: 380001)

принтер

Бхагаватский офсет

C / 16, Bansidhar Estate,

Бардольпура, Ахмадабад, Гуджарат, Индия

Foreword

(By the Original Author)

The Jaina religion is unique one. The philosophy and doctrines of Jaina Religion, the geography of Jaina Religion and the procedure of salvation of soul (Mokshs) in Jaina Religion are entirely distinct. Whoever understands it and follows the path shown by it, achieves ultimately liberation. What Jaina Religion reveals about the salvation of soul, is such an incredible philosophy that one can achieve the divine state of soul after comprehending it thoroughly. Many have trodden this path and obtained the ultimate bliss.

Jain Religion is one of the oldest religions of India. We may say that it is the oldest in entire world. Great scholars have stated accepting this fact about the ancient existence of Jaina Religion. It is true that this religion prevails in India today, but days were there when Jaina Dharma was being adored in many countries of the world. The architectural remnants found in many other countries today that prove the existence of Jaina Religion in those countries too.

There are some rigid doctrines in Jainism, one of which state that the Jaina Sadhus cannot travel in vehicles. Due to this doctrine, Jaina Sadhus couldn't maintain the contact with the world spread followers and ultimately the spread of this religion shrunk to persist in India only. But now, the equipments of communication are available in many varieties, which has caused the increased attraction for Jaina Dharma among the scholars of the world. People have started making efforts to understand the Jaina Religion and to obtain eternal bliss.

There is a reason why I have specified this.

I am a Jaina Sadhu (monk). I got initiated in my childhood. Today I am sixty one and forty nine years have passed since I have initiated and I am entirely satisfied with the way I could worship and adherence to the Jaina Dharma after my Initiation.

I stayed at Vijaynagar Jaina Sangh in 1992 for Chaturmas. Ms. Ludmila Savelyeva from Mosco- Russia had come to Gujarat Vidyapith, Ahmedabad. Shri Ramlal Parikh was the Vice-Chancellor of Gujarat Vidyapith at that time. She asked him if he could recommend a teacher, who can teach her about the Jaina Dharma. Shri Ramla Parikh suggested my name, so she came to meet me during Chaturmas. She asked many questions about the Jaina Dharma out of curiosity. I advised her to understand such things gradually with patience which she gladly followed and came to me for about three months daily to study Jaina Dharma. When she was about to return to Russia, she asked me how much she should pay for the teaching. I got amused and sudden laughter appeared to my face. I told her, “Sister, I am a Jaina Sadhu and I do not need any penny. I do not even tough money!” She got the idea. One of by books, ‘Koi Dali Koi Ful’ was recently published at that time. She took that book in her hand, she liked it. She knew Gujarati very well. She read the book and had a feeling to translate the book. She told me that she would return with a Russian translation of that book. She actually returned after two months and put the Russian Translation of that book in front of me.

I was extremely happy.

A gentleman named Alexey Smirnov had translated the book.

No contact could ever be established again with Ms. Ludmila Savelyeva. I got engrossed in my activities, but eventually, Shri Hasmukh Baradi, a scholarly dramatist of Gujarati theatre met me one day. He had been to Russia between 1969 to 1971. I showed the Russian translation to him

He became very glad and marked some words on the copy of that translation. These words were 1. Good 2. Translation of the stories is very good and the language is lucid. 3. Please show the minor corrections in both the introductions to the translator 4. Many congratulations to Maharajshri and the translator.- Hasmukh Baradi. 18-06-93.

Hasmukh Baradi wanted this book to be published. I had no contacts in Russia. I always remained occupied in my busy schedule. Just two years back, the current Vice-Chancellor Dr. Anamik Shah came to meet me. I recollected the whole episode of translation and I told the whole series of incidents to him and requested to find out Ms. Ludmila Savelyeva and contact her, but no contact could be made. Now I was in deep worry as to how could this translation be published? Incidentally Dr. Maunas Thaker from Dr. Babasaheb Ambedkar Open University met me.

Meanwhile, I had a Book named Jain Dharma to be published and we needed a person who could review the typed English version of the book. Dr. Yogendra Parekh, head of Gujarati Department of Dr. Babasaheb Ambedkar Open University suggested the name of Dr. Maunas Thaker from his own University who nicely completed that work. Incidentally, I expressed my worry about the Russian translation to him too and a new ray of hope began to rise. Dr. Maunas Thaker told me that one of his friends had been to Russia for study. This is how, Dr. Saurav Mistri, dentist by occupation, came into the picture who established a link with his friend Dr. Sandeep Oza whose wife Mrs. Natalia Oza is from Russia (Belarus in fact). I requested them to see the translation and get it typed again for publication. They got this task done and this is how, with the help of such devout people, this book is prepared and now, being published by Shri Manubhai Shah, the owner of Gujar Granthratn Karyalay (Ahmedabad, Gujarat) the most well-known publication house of Gujarat.

I really don't know how the translation is done and whether there are any corrections needed or not. I even don't know that language. But it is indeed a historical and remarkable fact that a collection of stories written by a Jaina Sadhu is going to be published in Russian version for the first time in the thousands of years' history of the Jaina Religion in the world.

What do we mean by Jaina Stories? These stories tell us about Dharma (religion), Philosophy, History and Traditions. There are extraordinary stories in the rich treasure of stories in Jaina Dharma. These stories have been spread allover the world in various forms. One small example is that of a very popular play of William Shakespeare, "The Merchant of Venice". The roots of this story are laying in the Uttaradhyayan Sutra of Agama of Jaina Dharma. So, the Jaina stories are spread out all-over the world in varied forms.

I have been writing Jaina Stories for many years. My language of writing is Gujarati which is popular in Gujarati society too. These stories are translated in Marathi, Hindi, English and now in Russian. I have got immense pleasure in writing these stories as the writer of stories does not have any self-interest in it. These stories are written with a self-less spirit that whoever would read these stories would have eternal bliss. I have written stories with the same spirit from my childhood. There have been 60 books on various subjects till today. On an occasion of publication of the Russian translation of this book, I have two reasons to be happy about. 1. This is a historical event of Jaina Religion and 2. These inspirational stories are going to be available to new and huge number of people.

As I said before, I am a JainaSadhu- Acharya. This is a divine religion. Whoever follows this religion, gains bliss of soul. Jaina Sadhus always humbly believe that every good deeds performed by you are due to kind grace of guru, god and dharma. It is just the grace of God, if anything good

has happened in this deed too, and if there is any error, I admit its accountability.

I do not know where the translator of this book and the one who got it translated are, but I wish this collection of stories reach wherever they are, and they too feel the joy of this divine work. I also wish, that this initiative continues and more such works are translated, so that the divine light of Jaina Religion fall on the people of Russia and they too obtain the bliss of soul.

I thank all those who have been instrumental and helpful in this work and pray for their spiritual prosperity.

Acharya Vatsalydeepsuri

Jaina Upashraya, 7, Rupmadhuri Society,

Near Sanghavi Crossing, Naranpura

Ahmedabad- 380013

Gujarat- Bharat

Jeth- Vad-3, Sunday, Dt. 01-06-2018

АННОТАЦИЯ

Впервые в России публикуется книга, вводящая читателя в мир джайнской литературы. Джайнизм – одна из древних религий Индии – представлен здесь рассказами современного монаха-джайна НЕВЕДОМАЯ ВЕТКА, НЕВИДАННЫЙ ЦВЕТOK Ачарьяшри Ватсалядип Суришварджи. Истории из жизни индийских святых дают представление о нравах и обычаях джайнов, знакомят с такими понятиями восточных вероучений, как ахимса, мокша, нирвана...

Ценность книги состоит в том, что ее автор - живой святой; человек ныне продолжающегося духовного подвига.

Это популярное литературно-художественное издание для всех.

- Алексей Смирнов
переводчик

От издателя

Гурджар Грант Ратна Карялая - старое издательство восьмидесяти лет. Мы публикуем литературу Гуджарати последние восемьдесят лет. Мы джайны. Самая древняя культура мира принадлежит Индии, а самой древней религией мира является джайнизм. Мы рады представить книгу, представляющую самую древнюю культуру и религию, одному из величайших континентов мира - России. Это происходит впервые в мире. Поэтому мы очень рады, что связаны с этой задачей.

Автор этой книги Ачарьяшри Ваццалаепсуришварджи Махарадж - великий джайна-святой. Он ученый из Джайны и других индийских религий. Он является глубоким писателем на языке Гуджарати. Он написал более шестидесяти книг о джайнизме и других культурах. Его книги очень популярны. Он хороший оратор и хороший мыслитель. Мы издаем много лет книги, написанные им. Мы рады представить эту книгу ароматом джайнской религии и философии.

2018

Издатель

СВЯТЫЕ ДЖАЙНЫ

/вместо предисловия/

I.

Джайнизм – одна из древнейших религий на земле – почти не известен в России.

На мировом религиозном древе с мощными и открытыми взору ветвями индуизма, христианства, буддизма, ислама вероучение джайнов – ветка нам неведомая, а цветы духовных подвигов джайнских святых остаются по сей день невидимыми для нас.

Вот почему название книги не просто имя ее девятого рассказа, а сквозная метафора, как будто нарочно обращенная к русскому читателю. Вот почему цель книги – сделать неведомое узнаваемым, невидимое – хотя бы отчасти зримым.

Тем более ценно, что знакомство с неизвестным произойдет не в приблизительном переложении энтузиаста-дилетанта, не в премудром толковании углубленного в детали знатока – может быть, иноверца, даже атеиста! – а что называется из первых рук и общедоступно. В мир джайнизма нас введет джайнский монах муні Вацлайдип, наш современник, житель Гуджарата – западного штата Индии. В своих рассказах автор будет опираться на священные книги джайнов и личный мистический опыт, который есть душа любой религии.

Дословный перевод этих историй с гуджарати сделает Людмила Савельева, постигавшая язык подлинника не только в школе ленинградских индологов или в домашней

библиотеке на Самотеке, но и в гуще носителей речи – гуджаров на улицах Ахмедабада и Раджкота, в поездах, на базарах, автобусных станциях, молниеносно обрастая толпой аборигенов, буквально раскрывавших рты от удивления при виде человека из России, понимающего их и говорящего с ними на их родном языке с замечательным московским произношением, то есть очень ясно. Я, не разумевший ни аза в окружавшем меня речевом круговороте, горячей и азартной азиатской толчее, должен был бы выйти на сцену этой книги в последнюю очередь, то есть третьим, ведь моя задача из дословно правильного сделать поэтически точное. А выхожу сейчас. И вот почему.

Рассказы муни Вацлайдипа настолько просты, что, если ничего не накручивать, их трудно испортить. Люди живут, любят, страдают. Как и везде. Сложность в другом. Джайн воспринимает мир не совсем так, как христианин, и совсем не так, как неверующий. И ценности тут иные, и подвиги не те. Героикой великих строек, спасением отечества или человечества, раскрытием тайн природы святого джайна не увлечь. Его интересует не то, что составляет вещественный мир, а то, что освобождает от материального плена, ибо мир для джайна – это плен независимо от места, времени и среды обитания, то есть устройства общества – будь то состояние просвещенного братства или дымящейся брани. Джайн спасает не родину, но и не шкуру. Он спасает душу.

Никто не обязывает нас разделять эту философию и ее следствия, однако иметь представления о ней не лишне каждому, кто не хотел бы испытать недоумение, читая истории из жизни джайнских святых.

2.

За семнадцать лет до Будды и за шестьсот до Христа в Индии родился человек, ставший, согласно легенде,

двадцать четвертым «перевозчиком через поток бытия» или тиртханкаром – аналогом мифического Харона.

Имя индийского вероучителя Махавир, прозвище Джина, что означает Победитель, одолевающий невзгоды на пути к спасению души.

Не он один, а все двадцать три его предшественника – иные Джины /но не джинны – мусульманские духи!/, а также бесчисленные последователи Махавира на протяжении тысячелетий создавали огромное духовное пространство, объемлемое ныне коротким словом джайнизм. В центре этого учения главная ценность всего сущего – душа человека. Неживая материя –аджива стремится проникнуть в живую душу - дживу / «душу живу»/, полонить ее, облечь телесной пеленой, привязать к земле, сделать соучастницей греховных помыслов и нечистых деяний. Но душа верующего противится этому натиску, равно желает освободиться и от мучительных и от пленительных пут. Если такое ей не удастся, то по смерти тела она вселяется в новую плоть – человека, птицу, растение – и тем продолжает бесконечную цепочку земных перерождений. Однако душа не хочет этого, телесный плен томит ее.

Суть духовного подвига индийских святых состоит в том, чтобы прервать череду превращений и достичь мокши – полного освобождения от уз плоти. Тогда душа обретет нирвану – вечное блаженство и / у джайнов/ навсегда поселится в зените вселенной на вершине священной горы Меру, в вечности.

Ясно, что при серьезном отношении к этому прагматическая шкала ценностей(власть, богатство, слава) оказывается совершенно нелепой, лишней, мешающей освобождению. Блага цивилизации выглядят здесь не блаженством, а блажью, смешным детским капризом. Они ничтожны по сравнению с тем, к чему устремляется вырвавшаяся из плена душа. И напротив на

первый план выходят ценности этические /милосердие, любовь, самоотречение/, ибо только чистая душа способна прервать череду перевоплощений. Путь к этому – подвижничество, особенно подвиг монашеский.

В Индии обилие храмов и монастырей, однако монастырская жизнь там отличается от русского уклада. В монастырях не столько живут, сколько ночуют. А целый день монах или монахиня проводят в дороге. Индийский монах – кочевник. Идея подвижничества реализуется им, во-первых, буквально: человек движется. И движется пешком. Странничество – вот душа индийского монашества! От храма к храму, от монастыря к монастырю идут и идут по дорогам индуисты саньаси в ярких оранжевых одеждах, босоногие и бритоголовые джайны шветамбары /«одетые в белое»/ в развевающихся белых покрывалах или джайны дигамбары /«одетые светом»– найдите лучшую метафору обнаженной плоти!/. У них разные дороги, но один путь. Все они стремятся к мокше – освобождению из круга перевоплощений.

Нирвана не есть смерть, уничтожение. Она – обретение вечной жизни душой, свободной от телесной темницы. Священные тексты сравнивают нирвану с медленным потуханием звезды на восходе солнца; с таянием снежного облака в летнем зное. Нирвана как бы блаженное таяние души, ее полное умиротворение, то состояние, родственное которому испытываешь в горных храмах Палитаны на западе Гуджарата. Об этом стоит рассказать подробнее.

В начале марта пять утра – глубокая ночь.

Сонно. Пустынно. Зябко.

В темноте начинаешь подъем от подножия горы Шатрунджайи с первой из пяти тысяч ступеней к первому из десятка невидимых земляных пандусов, ведущих к вершине.

По мере подъема оказываешься как бы между двух

догорающих костров. Внизу колышет огни городок. Синеватые, золотистые, алые угли переливаются, переворачиваются, зыблются в долине, словно кто-то осторожно перемешивает их железной кочережкой. Одни ненадолго разгораются, другие гаснут. Их пересекают летящие искры – фара промчавшегося мопеда или трехколесного скутера – такси.

А сверху над головой догорает ночное небо Индии – ясное, полное неподвижных маленьких звезд с узким лунным серпиком, опрокинутым на подобье ладьи. Таков и знак Богородицы на православных крестах.

Внизу все дышит, движется, восходит дымками, вспыхивает, теплится, мигает... А наверху – покоящееся безмолвие, ровный негасимый свет.

Но темнота вокруг понемногу редет. Иногда тебя обгоняют легкие существа в белых одеяниях. Как облачки, они невесомо взлетают по лестничным маршам – босые, с тонкими дорожными посошками. Это джайнские монахини шветамбары совершают паломничество к святыням Палишаны.

Звезды как бы выцветают, блекнут, и небо из черного постепенно превращается в лиловое, потом в темно-синее, синее, светло-голубое...

На середине Горы ты встречаешь восход солнца.

Новый день встает в Гуджарате из вод Аравийского моря над зелеными волнами прибоя, над разбросанными по песку лодками рыбацких деревень, над полями красного перца, древними городами побережья.

Солнце освещает Гору и драгоценные храмы из белого мрамора на ее вершине.

Еще усилие. Последние ступени подъема.

Воздух свеж. Струится холодок. Это мрамор источает накопленную за ночь прохладу.

Стяги – разноцветные длинные ленты медленно развеваются на флагштоках над храмами, касаясь

небесной голубизны.

Ты минуешь монастырские ворота. В полной тишине слышно, как на шевелящихся стягах перезванивают тонкие колокольца.

Ударом большого колокола всякий входящий возвещает о своем вступлении в обитель.

Многоярусна архитектура Палитаны – резного горного гнезда. Все здесь уютное, тесное, близкое. Из храма в храм попадаешь, как из придела в придел. Поднявшись на крышу одного,ходишь в другой.

Здесь нет удушливого запаха гниющих цветов и приторной сладости благовоний, как в долинных обителях. Нету и толп верующих, гремящих барабанов, трезвонящих внутренних колоколов, раздираемых завес, всеобщего вопля паломников, узревших священный образ! Все это осталось внизу – там, где душа тщетно рвется из плена, где власть страстей, сила диктующей плоти, притяжение земли еще слишком могучи.

А здесь все становится воздушно-легким: вдох, шаг, поклон. Мера аромата выдержана столь же тонко, сколько мера перезвона. Ничто не закрывает неба. Оно свободно раскинулось, как перевернутая чаша с круглым краем горизонта. А маленький уединенный от мира храм среди таких же маленьких и уединенных напоминает одну из множества часовен, где никто не помешает сосредоточению и молитве.

3.

Джайнские аскеты готовы заплатить любую цену за достижение вечного блаженства. Но понятие «любая цена» означает только одно: личный духовный подвиг. Евангельская заповедь «не убий» распространяется в джайнизме абсолютно на все: не убий себя; не губи другого; не тронь птицу, рыбу, зверя; будь милостив к насекомым; милосерден к растениям, ибо и в них есть

душа. Но принцип ахимсы еще строже, чем «не убий». Он означает «не навреди», не причини страдания ничему живому, воздержись от любого зла, даже мимолетного – наималейшего.

Святые джайны не покидают обители после захода солнца, чтобы в темноте нечаянно не наступить на что-нибудь живое. Поэтому их дневные переходы строятся так: прежде, чем стемнеет, надо непременно добраться до ночлега. Опуская очевидные ограничения /отказ от грубости, питания, мясной пищи, нечистых мыслей, прикосновения к женщине/, можно заметить, что монахи не имеют права пользоваться никаким транспортом: гужевым – насилие над животными, механическим – осквернение окружающей среды. Способен ли джайнский монах лететь на самолете, который отравляет выхлопами пол-неба, когда сам он носит на губах марлевую повязку, фильтруя свое дыхание?!

В Ахмедабаде я видел ловушки для мух, похожи на наши канареечные клетки. Залететь в ловушку легко, а вылететь – не тут-то было. После того, как мушинные клетки набьются погуше, их вывозят куда-нибудь за местный «Можай» и всех мух разом выпускают на волю. При таком трепетном отношении к любым проявлениям жизни кажется странным жестокость, какую аскеты проявляют порой к самим себе, словно забывая, что они тоже живые, и почему живое тело должно отвечать за то, что душа не устояла перед искушением? Однако в сознании джайнов это и есть доблесть, подвиг самоотречения. И все же максимализм аскетов – героическая аномалия. В целом святые джайны ведут жизнь нормальных праведников, и джайны-миряне испытывают к ним за это нижайшее почтение, ибо понимают, что простое отрешение от земных соблазнов, честность, душевная чистота уже достаточны для поклонения и поддержки. Да, община оплачивает

своих святых за то, что они праведны. За то, что среди них есть ученые – пандиты, учителя – ачарьи, писатели, проповедники.

Когда святой странник идет по дороге, с ним только посох да мисочка для риса. У монаха нет и дома. Его дом – дорога. Но всегда и везде найдет он еду и ночлег. Закон разрешает страннику задерживаться на одном месте лишь в сезон дождей. Масса предписанных и добровольных ограничений регламентируют его жизнь. И вместе с тем у этих людей есть многое. Сильная вера, богатая община, преклонение миллионов мирян, изумительные по красоте и расположению храмы, необъятная литература: жизнеописания святых; развитая мифология; труды по религии, философии, космогонии, грамматике, этике; духовная поэзия...

Вот на какой почве выросли скромные рассказы Вацлайдида, собранные им в эту книгу. Подобно герою одного из них – маленькому муну Манаку – в восемь лет наш автор избрал для себя путь монашества. В юности изучал филологию в Гуджаратском университете, имеет ученую степень и, кажется, не одну, но гордиться этим шветамбару не положено. Знает языки средневековой Индии. Кажется, восемь. Но и это не в счет. Пишущий живет не учеными степенями, а внутренним миром. И знания для него не самоцель, а только средство постижения жизни. Тем более, если речь идет о писателе-священнослужителе.

Истории Вацлайпида похожи на индийское кино. Мистики в них не больше, чем реализма. Они человечны с оттенком сентиментальности и праведны с моментом правоучительства. Мы от такого давно отвыкли, но мне это нравится. Мать, чей сын ушел из дома, плачет, тоскует, ищет своего Манака... Сказитель катхи не шипит на соперника, а целует ему руку, восхищаясь его пением... Министр княжества не поддакивает невеждам,

смеющимся над монахом-дровосеком, а доказывает им, что они не правы... Нормальное горе, нормальное счастье, нормальная жизнь. Странно ли тогда, что имя у нашего писателя тоже по индийским – человеческим – меркам совершенно нормальное: Вацлайдип – свет материнской любви.

Алексей Смирнов
Москва, февраль 1993

СОДЕРЖАНИЕ

* Святые джайны / вместо предисловия/ Алексей Смирнов	x
1. ЖЕРТВА	1
2. КАТХА	6
3. МАЛЕНЬКИЙ МУНИ	12
4. СЛОВНО ЛОТОС В ПРОХЛАДНОЙ ВОДЕ	17
5. ДЖАГРУ, ДЖАГРУ!	26
6. «САВА-СОМА»	30
7. МОНАХ-ДРОВОСЕК	36
8. МАТЬ ГРЕХА	42
9. НЕВЕДОМАЯ ВЕТКА, НЕВИДАННЫЙ ЦВЕТOK	47
10. ДОЛГ	53
11. ВРУЧЁННАЯ	59
12. ИСПОВЕДЬ	63
13. ВЕЛИКАЯ МАТЬ, ВЕЛИКИЙ СЫН	68
* ПРИМЕЧАНИЯ К РАССКАЗАМ ОБ ИНДИЙСКИХ СВЯТЫХ : Алексей Смирнов	73
* СЛОВАРЬ : Алексей Смирнов	

1. ЖЕРТВА

Это такой человек, чья мудрость делает достойной славы все, к чему он прикасается.

Это такой человек, чья святость преобразует землю, по которой он проходит, и паломники устремляются туда, где он был, чтобы поцеловать следы его ног.

Это такой великий муни, чья душа неустанно трудится, дабы обрести путь к спасению. Перед восходом солнца случайный странник увидел в лесу идущего по тропинке монаха и пораженный красотой святого спросил:

– Досточтимый, не могли бы вы назвать ваше имя?

– Люди называют меня Анандгхан, – ответил монах.

– Анандгханджи?! – воскликнул странник, и вопрос смешался в его восклицании со священным благоговением.

Но отшельник прошел мимо, не останавливаясь.

Почему люди всегда ждут от святого чудес? Не лучше ли самим добиваться воплощения своих помыслов, чем тратить время на бесплодные ожидания?

Анандгхан знал: самоотречение – вот путь к спасению, вечному блаженству, нирване. Ее не достигнет тот, кто блуждает в тумане земных желаний.

Муни шел по лесной тропе и вспоминал.

Некогда жили два друга. Они страстно хотели разбогатеть. Города и деревни, леса и горы исходили друзья в поисках богатства. Они давили сок из лиан, плавил медь, заклинали недра, возжигали священные

костры! Но все их мечты сгорали, обращаясь в пепел. Друзья бредили золотом, однако отыскать его не могли. Они устали бродить по земле, теряя надежду. И тогда один из них сказал:

– Хватит! Мне больше ничего не надо. Откуда взяться золоту там, где не растет и хлеб? Можно ли разбогатеть в краю, где нечем утолить голод? Я оставлю мир и стану монахом.

И он совершил обряд посвящения в ученики мун. Жил в лесу, спал на земле под деревьями, шептал про себя святыя молитвы.

Прошли годы, и вот однажды к отшельнику явился незнакомый человек и поставил перед монахом сосуд с плавленным золотом.

– Что это, брат? – спросил святой.

– Это дар от вашего друга, – ответил посланный.

– От кого?

– От вашего друга, с которым вы вместе странствовали много лет назад в поисках золота. Когда он нашел богатство, он вспомнил о вас и послал вам этот сосуд.

– А кто вы?

– Я – компаньон вашего друга.

Мун взял сосуд, и воспоминания охватили монаха. Но если однажды он уже преодолел соблазны мира, то зачем же впадать в них снова? И святой отставил сосуд в сторону.

Посланный был поражен.

– Ох, что вы делаете?... – голос его дрогнул от изумления.

– Брат, я долго ходил по свету в поисках золота, – сказал мун. – Я не нашел сокровищ. Ну, и что же? Разве они сделали кого-нибудь по-настоящему счастливым? Истинное счастье скрыто внутри нас. Я хочу обрести именно это счастье – в самом себе, чтобы каждая пора

моего тела источала плавненное золото духа. Люди ищут блаженства вовне, в том, что их окружает – в славе, богатстве, наслаждениях плоти, тогда как блаженство таится внутри человека, но обретают его только те, что ищут его постоянно. Вначале им надо проявить волю к самоограничению – оградить себя от мирских искушений,

а потом забыть обо всем, что связано с утолением плоти — самоотречься.

Часто и до и после встречи с посланным Анандгхан думал о тех подвижниках, что достигли цели — обрели вечное блаженство. И вот однажды лесная дорога привела святого к деревне. На ее окраине надрывно били барабаны, пронзительно звенели медные тарелки. Там горел погребальный костер, а люди, как безумные, плясали вокруг пламени, бросая в воздух красный и белый кумкум*. Ужасные крики доносились от костра.

— Что делают эти люди? — подумал Анандгхан, однако решил пройти мимо, как предписывает ему закон отшельничества. Но смертный крик заставил его вздрогнуть и приблизиться к толпе.

Кричала женщина. Она — живая — взошла на костер рядом с телом мертвого мужчины. Анандгхан кожей ощутил страдания женщины, и боль пронзила его.

— Что это значит? — спросил он окружавших его людей, но никто не ответил ему. — Зачем погибает эта женщина?

— Совершается сати* — послышалось из рядов. — Сегодня у нее умер муж, и жена не может жить без него. Она взошла на костер, чтобы в следующем рождении снова обрести своего супруга.

— Но разве это возможно?! — воскликнул святой.

Однако сейчас здесь под гром барабанов, трезвон медных тарелок, вопли пляшущих вокруг костра людей, муні был бессилен что-нибудь изменить. Остановить жертвоприношение, переубедить охваченных безумием он не мог.

— Какой самообман!.. — думал он. — Разве в новой жизни эта женщина обретет прежнего мужа? И сохранит ли она стремление к счастью, если счастье дается ценою таких мучений? Надо жертвовать духу, а не огню. И еще: подвижник жертвует мимолетным, мирским во

имя вечного блаженства, а не для того, чтобы продлить цепочку земных перерождений. Это разные жертвы и у них разное предназначенье. Но неужели женщина приняла муки добровольно?..

Анандгхан уходил в глубь леса. Он пытался найти причину происшедшего.

– Откуда эта жертвенность? – спрашивал он себя.
– От того счастья, которое дает женщине замужество? Да, в семейной жизни не должно быть разлуки, но лишь духовные узы делают любовь по-настоящему нерушимой. И тогда смерть разлучает тела, но не души.

О, возлюбленный мой, о, господь мой Ришабх*,
Только ты, только ты мной любим!

Никого мне не нужно кроме тебя. Мы счастливы вместе.

Наши узы вовек не порвутся...

Как Ганга с вершин Гималаев, пролился этот гимн из души святого, и каждый стих приближал великого муни к вечному блаженству.

Значения слов, выделенных звёздочкой, поясняются в «Примечаниях...» в конце книги.

2. КАТХА

Святые джайны дают обет не покидать обители после захода солнца, и эта клятва нерушима. Но однажды ачарья Удайпрабхусури нарушил и, переодевшись в простые одежды, вышел издома ночью. Это случилось в конце тринадцатого века по исчислению Викрамадитьи*.

Обитель находилась неподалеку от деревни Ашапали, где жили торговец Лавси и сказитель катхи Сухдев. Деревня Ашапали расположилась по-соседству с большим городом Анхилпуром, однако ни старый Лавси ни его друг Сухдев никогда не бывали в городе. Ничто не влекло их туда. Они любили свою деревенскую жизнь и говорили, что большего счастья, чем ходить по родной земле, нигде не сыщешь.

В деревне у Лавси есть маленькая торговая лавочка. Хозяин небогат, но из своего дохода в несколько сот драхм он непременно выкраивает долю на то, чтобы провести состязание певцов-сказителей катхи.

Это рассказ, исполняемый нараспев под музыкальный аккомпанемент. Сюжет сказитель выбирает сам. Содержание может быть общеизвестно. Все дело в том, как его выражает певец. А победителя Лавси награждает драгоценной кашмирской шалью.

Лавси устраивает праздник каждый год. Много людей собирается в ночь катхи. Тихий шелест листвы на деревьях и легкий плеск волн в реке Сарасвати тоже аккомпанируют сказителям, и ночь словно замирает, прислушиваясь к их пению.

Из года в год звучат чудесные песнопения, но каждый

раз — шаль из Кашмира достается Сухдеву. Он помнит наизусть четыреведы, восемнадцать пуран и, как никто, умеет передать в песне их красоту. Кажется, что его пение наполнено волшебными ароматами ночи. Целый год в людях живут те чувства, которые они испытали в ночь катхи.

Радуетя душа старого Лавси. Сердце его, преданное народным сказаниям, исполнено благочестия. Что в мире может быть выше, чем служение Сарасвати * — богине-покровительнице искусства. Проходит год за годом, но порядок вещей неизменен, как вращение спиц в колесе.

Как-то утром в день праздника новолуния в месяц чайтра* у лавочки старого Лавси остановился неведомый путник.

— Брат, — сказал он, обращаясь к хозяину. — Твоя кашмирская шаль всегда достается Сухдеву. До сих пор у него не было достойного соперника, но теперь он есть. Знай, что с этой ночью я буду участвовать в катхе.

— Минюсти просим, — сказал Лавси. — Если богиня Сарасвати окажется к вам благосклонна, то вы получите кашмирскую шаль. Как ваше имя?

— Меня зовут Говинда Чачариях. Я не дотронусь ни до еды ни до питья, пока не выиграю шаль из Кашмира!

В ночь катхи прекрасная и благословенная река Сарасвати останавливала свои воды, чтобы послушать певцов.

Когда Сухдев узнал о приходе соперника, он сначала удивился, а потом позвал к себе ученика мальчика Хардева и сказал:

— Сегодня ночью будет катха.

— Да, учитель, — ответил Хардев.

— Слушай, сынок. Я всего лишь простой сказитель и знаю цену своим песням. Они привлекают людей, но так, как их привлекает внешность красивой женщины. Если же найдется певец, чьи песни исполнены внутренней

красоты, он победит меня. И тогда вся моя надежда будет на тебя, Хардев, ибо ты — мой единственный ученик. Дай мне обещание, что когда ты вырастешь, ты примешь участие в состязании, победишь и вернешь мне мое доброе имя.

— Обещаю, — сказал мальчик.

— Слушатели расположились на террасе в доме Лавси, и Сухдев снова поразил всех своим знанием вед и пуран.

— Наступила очередь Говинда Чачарияха. Новый певец захватил внимание слушателей. Катха его была необычайно волнующей. Затих шелест листьев, замерли воды Сарасвати, и Говинда Чачариях выиграл кашмирскую шаль!

— Жители Ашапали приветствовали его, подобно тому, как природа прославляет восходящее солнце. Недолго вспоминали они Сухдева и его ученика, а скоро и совсем забыли про них. Отныне Говинда рассказывал катхи и получал награды. Он разбогател, выстроил себе большой дом, стал важным человеком в панчаяте — деревенском совете. Люди с почтением говорили о нем: «Наш сказитель Говинда Чачариях».

— А домик Сухдева постепенно нишал, ветшал, пока и вовсе не разрушился. В развале нашли себе пристанище змеи — ядовитые демоны смерти.

— Прошли годы, и в одно прекрасное утро накануне праздникановолуния по деревне разнесся слух, что у руин домика Лавси появился какой-то юноша.

— Шетх*, вы узнали меня? — спросил он старика.

Щурясь на солнце, тот, как козырьком, заслонил ладонью глаза. Тело Лавси стало согбенным от старости, но любовь к искусству катхи жила в нем, как прежде.

— Кто ты? Уж не Хардев ли — ученик Сухдева? — спросил старик.

— Да, — ответил пришедший. — Скажите Говинде

Чачарияху, что сегодня ночью я буду его соперником в состязании.

– Хорошо, хорошо. Конечно, скажу, – отвечал Лавси.

– И я стану соперничать с Говиндой до тех пор, пока не выиграю у него и не отомщу за поражение моего учителя Сухдева. Он не смог пережить свой позор, шетх! Сегодня нас рассудит богиня Сарасвати.

Наступила чудная ночь. Дул легкий ветер. Он шевелил ветки деревьев, веял прохладой. Но вся деревня пребывала в сильном волнении.

Говинда Чачариях начал катху. Его чарующий голос сливался с музыкой. Нет, не напрасно славился он, как непревзойденный певец и сказитель!

Потом флейту взял в руки Хардев. Для своей катхи он выбрал сцену рождения Рамы из книги «Рамаяна»*. Слушатели очень удивились: что нового можно извлечь из этого сюжета? Все знают его наизусть. Некоторые даже поднялись со своих мест, чтобы уйти – настолько неудачным показался им выбор Хардева.

Но с первых же звуков флейты и голоса эта катха заморозила всех. Слова точно растворялись в нежной мелодии флейты и вновь возникали из нее.

Свершилось рождение Рамы. Каушалья*, Сулитра, Кайкейя, Датаратх радуются младенцу. Певец рассказал про это событие так проникновенно, что слушатели позабыли обо всем на свете, река Сарасвати остановила свои воды, а ветер утих в листве.

Неподалеку от лавки старого Лавси, как мы, высилась джайнская обитель. Там жил муні Удайпрабхасури. Волшебные звуки катхи донеслись до его слуха. Вот тогда-то ачарья и нарушил обет не покидать стен обители после заката. Он переоделся, вышел за монастырские ворота и присоединился к слушателям, среди которых был, между прочим, и сам министр Ваступай, приехавший на праздник из города Анхилпура.

Тем временем, описывая жизнь шри Рамы в лесу, Хардев поднялся и с флейтою в руках направился к берегу реки. А толпа, как зачарованная, пошла вслед за ним. Шествие миновало базар. Деревня осталась позади. Вот и река Сарасвати. Хардев умолк. Неподвижно и молча стояли люди вокруг него. Сладостное опьянение

охватило их. Ничего прекрасней этой катхи они не слышали никогда в жизни. Вся деревня – женщины и дети, старики и молодежь – все пришли сюда на берег Сарасвати, овеянный ночной прохладой. Хардев больше не пел, но мелодия казалось еще звучала в воздухе.

– О, Хардев! Почему ты молчишь? Почему твой напев покинул нас, как Рама оставил беззащитную Ситу в лесу? Будь милостив, продолжай свою катху!

И флейта запела снова. А при словах об огне и Сите вдруг волны тепла потекли кругом, и тот, кто озяб, перестал дрожать от холода.

Хардев шел обратной дорогой, и люди послушно следовали за ним. Медленно плыла в небе мелодия катхи. Сказитель завершал свою повесть о Раме и Сите.

Говинда Чачариях поцеловал руки Хардева.

– Ты победил, друг...

А старик Лавси набросил кашмирскую шаль на плечи певца.

Муни Удайпрабхасури, как и все, был восхищен катхой Хардева. Святой джайн знал, что юноша очень беден, а шаль из Кашмира делала сказителя прославленным, но не приносила ему богатства, ведь он никогда бы не решился ее продать. А потому монах подошел к министру Ваступаи и что-то ему сказал. Слово святого джайна – закон для земных правителей. И вот глашатай возвестил:

– Министр Ваступаи приносит в дар победителю тысячу драхм!

Радостно праздновала Ашапали победу Хардева. Шесть месяцев в каждом доме горел светильник в честь катхи о Раме.

Люди признали певца достойным служителем богини Сарасвати.

3. МАЛЕНЬКИЙ МУНИ

У джайнов есть книга «Паришитта парва», посвященная жизнеописанию маленького мунни. Имя его – Манак.

Что такое восемь лет жизни по сравнению с вечностью? Но и за восемь лет мальчик-мунни завоевал сердца людей. В каждой джайнской общине монахи и монахини поминают его в своей утренней молитве, вызывают перед собою его образ. И душа ребенка радуется людям.

Вот история этой короткой и прекрасной жизни.

Когда женщина направляет ладью судьбы по житейскому морю, хорошо, если у нее есть два весла: муж и сын. Жена ачарьи шайямбхавы жила в богатом доме в Раджгрихи*. Своей ладьей она управляла только с помощью сына. Его звали Манак. Он был необычным мальчиком. Его любовь к матери не знала границ. Оба – и сын и мать – были счастливы. Но какая-то невыразимая печаль томила материнскую душу. Счастье ее мешалось с печалью. Это доставляло сыну страдания, и однажды он спросил:

– Мама, а где мой отец?

Мать молча посмотрела на мальчика. Сам того не ведая, он задел самое больное, что только жило в ее сердце.

– Сынок, у тебя нет отца...

– Как нет?.. Ведь если бы его не было, ты не могла бы носить такие красивые сари.

Мать привлекла к себе мальчика и сказала:

– Ты прав. У тебя есть отец! Он, как и мы, принадлежит к роду брахманов, но незадолго до твоего рождения он встретил одного джайнского монаха, был заморожен его святостьюотрешенностью от мира. В тот же день твой отец оставил нас и до сих пор не вернулся...

В глазах женщины стояли слезы. Манак прильнул к матери, обнял ее за шею.

– Сынок, вот уже восьмой год я считаю день за днем, а твой отец все не приходит... Люди говорят, что он стал очень почитаемым отшельником. А как же быть нам?..

Плача вместе с матерью, Манак сказал:

– Мама, успокойся, я приведу отца домой.

– Нет, я не пущу тебя! Я потеряла мужа, и теперь лишь ты – моя опора.

– Но я вернусь с отцом!

– Нет, сынок, давай подождем. Когда-нибудь он сам придет в наши края, и ты приведешь его домой.

Мать проплакала весь день, но судьба уготовила ей новое испытание. Прежде, чем наступил вечер, Манак, не спросив разрешения матери, исчез из дома. Горю ее не было предела. Она обыскала весь город, но сына так и не нашла.

А мальчик бредет уже далеко от родных мест. В лесах он слышит рев диких зверей, змеиное шипенье, но непонятная сила наполняет его смелостью, охраняет и ведет за собой. В селениях он встречается незнакомых людей, однако не чувствует никакой робости перед ними. Люди с любопытством смотрят на маленького путника, и если среди них попадается человек толковый, мальчик выделяет его из окружающих и спрашивает:

– Брат, не видел ли ты монаха в белой одежде? Если это пандит Шайямбхав из Раджгрихи, то это мой отец. Я ищу его...

Но никто не встречал Шайямбхава, и странник шел дальше. Так добрал он до Чампангири. Едва войдя в город,

Манак увидел шветамбара — монаха в развевающихся белых одеждах и побежал вслед за ним. Догнав святого, мальчик спросил его:

— Досточтимый! Не знакомы ли вы с пандитом Шайямбхавам из Раджгрихи? Я его сын. Я хочу, чтобы он вернулся домой...

Монах замер от неожиданности. Великое волнение

охватило ачарью Шайямбхава! Перед ним стоял его собственный сын... Мальчик разыскивает его, чтобы вернуть домой, но ведь отец навсегда отрешился от мирской жизни! Святой джайн никогда не возвращается к тому, от чего однажды отказался. Он не имеет права оглядываться на свою прошлую жизнь. Ачарья Шайямбхавсури был умным человеком. Он с нежностью притянул мальчика к себе и сказал:

– Малыш, так ты разыскиваешь ачарью Шайямбхава?

– Да.

– Я знаю его. Он точь в точь такой же, как я. Останься со мной, и мы найдем твоего отца.

– Хорошо, – согласился Манак. Он был покорен добротой святого. В голосе джайна слышалось столько нежности, а в словах искренности, что мальчик последовал за ним.

Вскоре отец совершил обряд посвящения сына в свои ученики. В тот день мальчику исполнилось восемь лет. Шайямбхавсури очень хотел открыть маленькому муну свое имя, но душа отца, отрешаясь от мира, противилась этому. Он размышлял: «Какая будет мальчику польза от того, что я свяжу его земными узами? Разве хорошо ввергать душу ребенка в мирские соблазны? Отрешение от мира не может быть полным, если не отказаться ото всех привязанностей. Сейчас сын вступил в пору, благоприятную для отрешения. «И душа шри Шайямбхава погрузилась в целую пучину размышлений. А когда она возвратилась в тело святого джайна, тот содрогнулся от видения, которое так ясно ему представилось: мальчику осталось жить всего шесть месяцев!..

«Но раз ему предстоит столь короткая жизнь, тем более не следует открывать ему свое имя, – думал отец. – Что принесет это детской душе, кроме смятения и соблазна? Лучше дать сыну знания, посвятить в сан муну – приверженца чистой жизни. Но за такой ничтожный

срок – всего полгода! – чему я успею научить сына? Что сможет извлечь он из океана премудрости великого джайнского Бога?»

И тогда шри Шайямбхавсури принял решение: «Я напишу невиданный доселе труд, в котором изложу всю суть джайнской веры. Я дам муни Манаку знания, а вместе с ними душе его вечное блаженство.»

И отец написал такую книгу для сына. Она называется «ШриДашавайкаликасутра». Манак успел прочесть этот труд, и душа его обрела нирвану прежде, чем покинула тело, унесенное бесконечным потоком бытия.

Один из учеников обратился к Шайямбхаву:

– Учитель, вы плачете?

– Этот маленький муни был моим земным сыном..., – ответил святой.

– О! Почему же вы не сказали об этом раньше?

– Дитя, мирские узы делают человека рабом судьбы. Лучшего всего забыть о них. Я написал трактат «Дашавайкаликасутру», чтобы мой сын освободился от земного плена. Теперь можно отложить в сторону эту книгу,

– Нет, учитель! Простите мою дерзость, но оставьте свой труд нам, и пока он будет жить, имя муни Манака не предастся забвению.

В словах святого скрыта пророческая сила. «Дашавайкаликасутра» жива и поныне. Это священная книга джайнов. Каждый изучает ее перед посвящением в монашеский сан и каждое утро на рассвете поминает в своих молитвах маленького муни из Раджгрихи. Чтение священной книги и поминовение детской души приносит радость, – умиротворение молящемуся. Так он делает первый шаг на пути к освобождению, дарующему вечное блаженство.

4. СЛОВНО ЛОТОС В ПРОХЛАДНОЙ ВОДЕ

Гокуль— пастушья деревушка за крепостными стенами, обвитыми стволами лиан, расположился на живописном берегу полноводной реки.

Гокуль, выбравший для себя место, достойное джайнского храма, погружался в вечерние сумерки.

Пастухи гнали домой стадо коров и буйволиц. Крестьяне, родившиеся здесь, в окружении природы, любили жизнь, и мягкое коровье мычание сливалось со звуками медленно догорающего заката. Все вокруг дышало радостью и привольем.

Тогда-то в Гокуль и вошли два юных путника. Они остановились, и на лицах их выразилась растерянность. Было ясно, что они здесь впервые и никаких знакомых в деревне у них нет. Обращаясь к проходившему мимо пастуху, один из юношей спросил:

— Брат! Не найдется ли для нас тут пристанища?

Пастух внимательно посмотрел на юношей. Их красота искромность расположили его к ним, и он ответил:

— Добро пожаловать! Для вас найдутся и ночлег, и ужин. Мы рады гостям.

Голос пастуха был приветлив и весел.

— Но позвольте узнать, — продолжал он, — какими звуками выразила счастливая судьба ваши имена?

Путники приятно удивились тому, что простой пастух говорил словами ученого брахмана. Старший из

юношей ответил в тон пастуху:

– Друг! Я не ведаю, есть ли у звуков счастливая судьба, но она выбрала меня, чтобы назвать Благодатным.

Пастух рассеялся:

– О, Благодатный брат мой! А как зовут вашего друга?

– Судьба распорядилась дать ему имя Благодочинный. Может быть, теперь и вы откроете нам, как величают вас ваши братья, похожие на сыновей Всевышнего?

– Пунам, – ответил пастух.

– Пойдем же, брат Пунам! Мы устали с дороги, и едва держимся на ногах.

– Ох, я совсем забыл об этом! Пойдемте.

Вскоре путники убедились в том, каким счастливым и процветающим был тот гокуль, в который завели их перепутья странничества. Лица местных крестьян светились радостью, глаза блестели. После долгих переходов юноши обрели, наконец, желанный отдых. Все здесь пришлось им по сердцу. Пунам и его семья оказали странникам гостеприимство, и те испытывали благодарность к своим новым друзьям.

Наступала ночь. Юноши сидели на постелях под открытым небом. Благодатный сказал другу:

– Душа моя полна радостным светом.

– И моя, – ответил ему товарищ. – Тебе не кажется, что мы в долгу перед хозяевами?

– О, да! Но как нам отблагодарить их? Ведь мы всего лишь бедные странники.

– А что если этой ночью ты усладишь их слух своей чудесной игрой на флейте? Она пьянит без вина и наверняка доставит всем радость.

Благодатный согласился.

А когда серебристый цветок луны распустился на груди ночного неба, и землю озарил прозрачный лунный свет, жители гокуля собрались у дома Пунама. Все вокруг

замерло от ожидания.

– Что вам сыграть? – спросил Благодатный, обращаясь к людям.

Никто ему не ответил. После некоторого молчания из дальних рядов послышался голос, сам напоминавший звучание флейты:

– Вы не могли бы сыграть мелодию малхар*, как ее исполняет чатака*?

Все оглянулись на голос. Благодатный тоже посмотрел туда и встретился глазами с девушкой. Ему показалось, что богиня юности, тронув губами флейту, обратилась к нему. Очарование и любовь излучали эти глаза.

Благодатный заиграл мелодию малхар.

Стройные звуки флейты пролились в ночную тишь, завораживая слушателей, а потом поднялись вверх и стали подобны мерцающим облакам.

Благодатный оторвал флейту от губ. Никто не шевелился. А мелодия, стихая, продолжала плыть, движимая дуновением ветра.

Девушка подошла ближе и спросила:

– Божественный гость! Можно мне взять вашу флейту?

Благодатный затруднился бы ответить, что звучало сладостней в его сердце: только что умолкшая музыка или голос девушки.

– Возьмите, – сказал он.

– Гость – это бог. Какая же мелодия достойна Бога?

Та, которую подскажет вам сердце, – ответил благодатный.

– Это будет мелодия бихаг*. Песнь о разлуке.

Я люблю тебя, а ты говоришь о разлуке...

Как ты красив, я люблю тебя!

Но ты равнодушен к моей любви.

Ты – словно лотос в прохладной воде,

Словно лотос в прохладной воде...

И хотя мелодия была печальна, сердце благодатного переполнилось радостью.

– Не назовете ли вы мне ваше имя? – спросил он девушку.

– Раджшри, – ответила та, улыбнувшись, и улыбка ее была такой, что при виде ее раскрылся бы и самый холодный цветок!

Рано утром Пунам погнал стадо на пастбище. Вместе с ним ушел и Благодатный, а его товарищ остался дома один.

– Можно войти? – услышал он голос Раджшри.

– Войдите, пожалуйста.

Утром, одетая в нарядное сари, девушка показалась Благодатному еще прекрасней. Ее стройное и гибкое, как лиана, тело было воплощением красоты. Длинные волосы, тика*на лбу, чарующий взор привели юношу в изумление и смущенье. Он почувствовал, как сильно Раджшри влечет его к себе.

– Во мне все поет ваша флейта, – сказала Раджшри.

– Правда?

– Вы чем-то смущены?

– Нет, нет. Просто меня тоже очень тронула ваша песня.

Раджшри хотела что-то сказать, но промолчала. Душу ее охватило волнение. Всю ночь она провела в мечтах – так запал ей в сердце Благодатный. «Что мне до него? – думала Радж. – И зачем я ему?» Но сердце не мирилось с этими сомнениями. Девушка чувствовала, что ее связывает с Благодатным нечто очень глубокое, может быть, идущее от их прошлых рождений и земных судеб. Какой-то долг предыдущего воплощения привел его сюда. Надо бы спросить его: «Вы слышали раньше ту мелодию, которую я играла сегодня ночью? Она знакома вам?»

«Но ведь я никогда прежде не видела его!»— сомневалась Раджшри.

— Скажите, Раджшри, где вы научились так искусно играть на флейте? — спросил Благодатный. — Я преклоняюсь перед вашей игрой и вами. Я только бедный странник, но мне очень хотелось бы преподнести вам подарок.

— Какой?

— Тот, который вы пожелаете.

Раджшри улыбнулась.

— Я не смею получать подарки от вас. Я хочу сама сделать вам подарок. Вы согласны?

— Ваш дар станет моим бесценным сокровищем.

И Радж склонилась к ногам Благодатного, словно принося себя в дар ему.

Юноша был поражен.

— Что ты делаешь, Радж?.. Я...

— О, молчите, господин мой! Моя душа давно знает вас. Любовь — Сваямбху*. Она сказала мне: вы знали друг друга всегда.

— Раджшри, мне надо подумать...

— А я уже подумала, мой господин, и прощу вас: не покидайте меня!

Благодатный погрузился в раздумье. Потом произнес:

— Радж, хочешь я расскажу тебе о своей жизни? Мой отец — раджа княжества Видарбхи. А я не создан для того, чтобы править. Насилие над другими людьми причиняет боль моей душе, терзает ее. Мне не нужна власть. Мое княжество иное. Я странствую по нему в поисках истины жизни. Я бы хотел, чтобы княжество мое было полно доброты и света, чтобы оно повелевало только временем и ничем иным.

Радж! Я оставил мир и следую заветам ахимсы. Мне надо найти для мира, страдающего от страха смерти и горестей жизни, дорогу к бесстрашию и счастью. Разве

по этому пути мы можем идти вместе? Я полюбил тебя, но понимаю, что наши судьбы не соединить. Наверное, все, что я говорю, кажется тебе странным. Но я не желаю твоего тела. Я люблю твою душу. Понравится ли тебе это? согласишься ли ты разлучиться со мной на долгие годы?

Благодатный смотрел на Раджшри, и ему почудилось, что она испытывает к нему те же чувства, что и он к ней.

— Господин мой! — сказала девушка. — Я исполню все ваши повеления. Во мне уже нет страсти к вам, а только радость, только любовь...

Благодатный приблизился к Раджшри и коснулся губами ее лба. Этот поцелуй был его даром, печатью его любви.

Месяц скрылся из глаз. Одинокая чакори* тосковала в разлуке с ним. Мгновения казались ей вечностью. Ни на минуту не забывала Раджшри о Благодатном. Она вспоминала его слова и плакала, плакала, словно глаза ее изливали затяжные дождишравана*.

Расставаясь с девушкой, Благодатный сказал:

— Однажды я приду за тобой, чтобы обратить тебя в свою веру.

«Но когда? Когда? — постоянно спрашивала себя Радж. — Скорее возвращайся, господин мой!»

Чтобы ни делала Раджшри, она всегда брала себе в свидетели Благодатного: понравится ли это ему? А если ее душа подсказывала ей: нет, то она откладывала дело в сторону.

Между тем проходили бесценные вёсны ее земной жизни.

О любви Раджшри к Благодатному знал весь гокуль. Простые сердцем крестьяне переживали за девушку, уважали ее чувство.

Как-то Радж встретила с пастухом Пунамом. Он заговорил с ней и неожиданно умолк. С детства ему

нравилась Раджшри, а теперь он уже не мог побороть своего влечения к ней. Но и не решался открыться ей.

— Я хочу сказать... Я... Мне..., — запинался он, опустив голову.

Но Радж видела, что Пунам — игрушка в руках

соблазна.

Гокуль твердо соблюдал неписанный закон: кому девушка отдала свое сердце, тому она и будет принадлежать всегда. И грех, если кто-нибудь другой пожелает ее. Разве Пунам забыл об этом? «И он и все вокруг знают, что я люблю Благодатного, – думала Радж. – О, мой господин! Ты так красив, и все же остался равнодушен к искушению. Ты – словно лотос в прохладной воде, словно лотос в прохладной воде...»

А вслух Раджшри сказала:

– Пунам! Я все поняла. Но разве ты не знаешь, что я предана Благодатному? Как же ты мог пожелать то, что принадлежит другому? Ты не вправе нарушить закон гокуля.

– Но..., – хотел возразить пастух, однако Радж перебила его:

– Ты думаешь о том, что Благодатного здесь нет? Но он в моей душе, Пунам! Даже птицы не трогают то, что уже тронут другими.

– Но, Радж, тебя ведь не тронул никто!

– Пунам, пойми меня. Тобой движет не любовь, а соблазн. А мой господин и я не от мира сего. Наш приют в мокше, там закончится наша разлука. Мы странники великого пути. Знай, что скоро Благодатный придет за мной.

Раджшри посмотрела вдаль, и ей почудилось, что кто-то в ослепительно белых одеждах поднялся над горизонтом и приближается к ней.

И девушке и Пунаму показалось, что это Благодатный, и они побежали к нему навстречу.

Да, это был он! Длинные волосы падали ему на плечи. Куда-то исчезли золотые кольца, унизывавшие прежде его пальцы – пальцы, обнимавшие флейту. Но и без украшений Благодатный был прекрасен. Он как бы светился.

Раджшри, не отрываясь, смотрела на него, и глаза ей застилали слезы.

– Раджшри! Я пришел за тобой, – услышала она голос Благодатного.

Девушка приветственно сложила ладони.

– Господин мой! Я прошу твоей защиты.

– Идем. Мы оба путники мокши. И пусть целый мир дышит любовью. Пусть она подарит радость сердцам, которые ждут ее.

– Я готова следовать за вами, – ответила Раджшри.

Муни Благодатный сказал:

– Спроси позволения у Пунама.

– Кто я, чтобы позволять ей? – спросил пастух. – Она – великая душа. Ее зовет ее путь. Мол поклон ей – поклон младшего брата.

И Раджшри, получив посвящение из рук Благодатного, ушла с ним дорогой самоотречения.

Тикасталажемчугом.

5. ДЖАГРУ, ДЖАГРУ!

Куда ни глянь, все обратилось в пустыню. Нигде не осталось ни травинки. Солнце иссушило небо и выжгло землю. Только пыль вздымалась над нею.

Сидя на высоком балконе, купец Джагру смотрел вдаль, и ему казалось, что сама душа его изнывает от зноя.

«Еще немного, и никто не сможет плакать. Этот зной выжжет даже слезы!»

Земля пересохла и потрескалась. Небо окуталось предательским маревом. Все живое погибало без влаги. Пришли такие времена, что человек готов был на все ради глотка воды.

– Шетх, мы мучаемся от жажды, – сказала Джагру женщина, качавшая на руках ребенка. – Остается один выход.

– Какой? – спросил купец.

И женщина сказала что-то страшное, показывая на умиравшего от жажды и голода сына.

Кончался первый год голода, и никто не знал, что будет дальше.

Джагру предвидел эти времена. Однажды вечером, когда облака то наплывали, то рассеивались, но не изливались на землю дождем, набожный Джагру пришел в святой ашрам*, чтобы совершить обряд пратикраман – исповедаться в своих грехах, покаяться и просить прощения у ачарьи. Когда шетх сделал это, – радость наполнила его душу, и он задержался в ашраме дольше обычного, предавшись молитвенному созерцанию.

Наступила полночь. Святой гуру*, не заметив

молящегося, поднялся со своего места и стал беспокойно кружить по ашраму.

Ученик спросил его:

– Досточтимый учитель! Что с вами?

Ответа не последовало.

Ученик дважды повторил свой вопрос и тогда гуру оказал:

– Дитя, ты сможешь сохранить в тайне то, что я открою тебе сейчас?

Ученик молча кивнул.

Изменившимся от напряжения голосом гуру воскликнул:

– Приходят страшные времена!

Грядут дни смерти!

Иссякнут источники, высохнут нивы, сгорят травы!

Все живое будет обречено на ужасные муки жажды и голода.

О, нас ждут великие страдания!

Джагру прервал молитву и обратился к гуру:

– Досточтимый учитель! Простите меня. Я все услышал, но не хочу верить своим ушам. Подтвердите, неужели это правда – все то, что вы предрекли?

Гуру и его ученик смотрели на шетха. Они и представить себе не могли, что в ашраме есть посторонний.

Ачарья спросил:

– Ты все слышал?

– Да.

– Это ужасно. – На лбу гуру блеснули капельки пота. – Это ужасно! – повторил он. – Никто не должен был знать о моем предсказании.

– А, по-моему хорошо, что я узнал о нем, – сказал Джагру. – Я сохраню в тайне ваше пророчество, и прошу вас научить меня: что делать, когда случится беда?

Наступило долгое молчание. Потом гуру заговорил:

– Знай, что голода подобного тому, который я

предвижу, не было со времен ачарьи Ехадрабахусвами. Это будет страшное, изнуряющее бедствие! Заготовь заранее побольше сена, зерна, воды – главное воды! Скажи всем, что вода станет дороже топленного масла.

На следующее утро гуру отправился в странствие. А Джагру выйдя из дома, увидел у себя во дворе благочестивого аскета. В преддверии горестных событий это была большая радость. Вчера шетх говорил с почтенным туру, а сегодня удостоился лицезреть аскета! Для набожного джайна трудно представить себе что-либо более значительное.

Джагру склонился перед аскетом и тот спросил:

– Ты знаешь, что за камень лежит у тебя во дворе?

Купец удивился:

– Простой камень. Ничего особенного.

– Под ним драгоценности! – воскликнул аскет и пропал из виду.

Когда шетх осмотрел камень, то, действительно, обнаружил под ним целые россыпи драгоценностей!

Джагру купил на них много зерна для того, чтобы кормить народ; вырыл глубокий колодец с чистой водой, чтобы поить людей и животных. Все это он сделал прежде, чем сбылось пророчество великого гуру. И оно сбылось!

В первый год голода земля превратилась в пылающий костер. Зерно шетха спасло людям жизнь. Он утешал их, говорил, что засуха скоро кончится. Его слова ободряли народ. Но сушь стояла и второй и третий годы. Джагру пожертвовал всем своим

Состоянием лишь бы спасти людей. Состраданием и сердечность находил в его доме каждый. Никто не был обойден или обижен. Джагру полностью разделил с народом его горькую участь.

И вот по прошествии трех лет наступил благословенный день, когда все небо покрылось тяжелыми

тучами, и на землю пролился, наконец, дождь! Каждая капля его словно пела: «Джагру, Джагру! Ты – щедрый даритель, ты настоящий жертвователь! Ты сотворил такое добро, что в этом некому сравниться с тобой!»

У дома Джагру собралось много людей, подхвативших благодарную песню дождя.

А когда этот великий праведник умирал, вся природа оплакивала его уход: люди и деревья, ветры и звери... В их душах он остался бессмертным.

Только тело временно и тленно, а путь души бесконечен!

6. «САВА-COMA»

Едва чело неба на востоке окрасил солнечный куркум, и первые потоки света вызолотили вершины гор, как зазвенела цепочка на входной двери в доме у купца Савачанда.

Хозяин очнулся ото сна, но медлил вставать.

– Кто это пожаловал в такую рань? – думал Савачанд.

Цепь зазвенела снова, на сел раз громче.

Купец подошел к двери и осторожно ее приоткрыл.

На пороге стоял самый богатый в их городе заминдар

– землевладелец.

– О, пожалуйста в дом! – приветствовал гостя хозяин.

– Чем могу служить?

– Шетх, я давно собирался прийти к вам, да никак не мог выбраться, – сказал заминдар. – А сегодня решил: дело срочное, время не ждет, надо идти с утра!

– О, счастливый день! Благодарение судьбе! Вы, и впрямь, столько времени не заглядывали к нам... Приказывайте, я к вашим услугам.

– Шетх! Мне ли приказывать вам?! Все знают вашу доброту и порядочность. Подобно тому, как тело не движется без дыхания, так и корабль нашей жизни не может обойтись без доверия к вам...

Савачанду приятно было такое начало. Между тем гость продолжал:

– Сейчас я испытываю большую нужду в деньгах. Они у вас, шетх. Не могли бы вы вернуть мне мои сто тысяч рупий?

Услышав это, Савачанд побледнел. «Деньги! Сто тысяч рупий! – ужаснулся он. – Ведь до сих пор нет вестей о моем корабле, что ушел в торговое плавание. Я вложил средства в него, а здесь дома мои дела совсем расклеились. Что же мне делать? Откуда взять такую огромную сумму?»

Савачанд был в смятении. «О, если я не отдам эти сто тысяч рупий, моей чести будет нанесен смертельный удар. Люди доверяют мне деньги, полагаясь на мою безупречность. Каждый ребенок в Ваманстхале, каждый лист на баньяновом дереве могут спать спокойно, зная, что Савачанд не подведет. Но сейчас мое имя под угрозой. А репутация дороже богатства.»

Шетх взял себя в руки и произнес:

– Дорогой друг, не согласитесь ли вы подождать неделю? Только одну недельку! Мой корабль на днях должен вернуться из плавания...

Заминдар хотел было согласиться, однако язык его словно прирос к гортани, когда он вспомнил слова знакомого купца: «Дела шетха Савачанда расстроились. Об его корабле нет ни слуху ни духу. Как бы вместе с судном не пошли на дно и ваши вклады...»

– Нет, шетх, – ответил заминдар. – Мне очень нужны деньги. Я не могу ждать ни дня. Ваше доброе имя всем известно. Стоит вам только попросить, и у вас будет любая сумма...

«Наверняка кто-то подослал ко мне заминдара. Конкуренты хотят меня разорить, – думал Савачанд. – Как же быть? Если я попрошу займы здесь в Ваманстхале, доверие ко мне будет подорвано. Написать в Дешавар? Но кому? Кто даст немедленно такую крупную сумму?»

И тогда Савачанду пришло на память одно имя – шетх СомачандизАхмедабада! Говорят, что он очень богат и благочестив. Может быть, он не откажет...

– Дорогой друг, – сказал Сава заминдару. – А если

я дам вам переводной вексель в Ахмедабад?..

– Хорошо, – согласился гость.

Дрожащей рукой писал этот вексель шетх Савачанд, ведь он не имел счета в Ахмедабаде! Судьба его была поставлена на карту. Он не сдержался и в нескольких местах окропил бумагу слезами.

А заминдар, сложив вексель, радостный отправился получать свой вклад с несуществующего счета.

Прошли годы.

И вот снова – жаркое лето. Полдень.

По главной улице Ахмедабада едет почтенный купец. Глаза его горят желанием поскорее достичь цели путешествия. То и дело он спрашивает у прохожих, где тут дом шетха Сомачанда. Пот льет с приезжего в три ручья, но лицо его светится радостью. Наконец, он останавливается у дома Сомачанда и вынимает из повозки мешочки, туго набитые монетами.

Увидев это, шетх Сомачанд пришел в крайнее недоумение. «В чем дело? Кто, откуда и за что привез ему столько денег?»

– Эй, послушайте, что вы делаете? – спросил он Савачанда.

Прибывший склонился к ногам Сома и сказал:

– О, спаситель моей чести! Это ваши деньги. Я возвращаю вам свой давний долг.

– Мои деньги?.. – Сомачанд решил, что незнакомец ошибся адресом.

– Брат мой, вы случайно не перепутали улицу или дом?

– Я? Перепутал?!

– Да, по-моему вы обознались. Откуда у вас могли быть мои деньги?

– О, великодушный шетх! Это не я, а вы заблуждаетесь. вспомните. Несколько лет тому назад вы

оплатили мой вексель на сто тысяч рупий. Неужели вы забыли об этом?

И тогда Сомачанд вспомнил странную историю, действительно, приключившуюся однажды.

В такой же полуденный летний зной неизвестный путник вошел, тяжело дыша, в дом к шетху и протянул ему вексель для оплаты. Сомачанд предложил гостю отдохнуть с дороги, выпить чаю, а сам велел приказчику разыскать

счет шетха Савачанда из Вамантсхали. Но удивительное дело: вексель был налицо, а счета на месте не оказалось! Сомачанд попросил поискать еще, но приказчик заметил, что нельзя найти того, чего нет, потому что купец Савачанд никогда не открывал у них счета.

Сома снова взглянул на вексель, и тут его внимание привлекли чернильные разводы — высохшие пятна в некоторых местах текста. Это были следы от слез, и Сома подумал: «Человек, выписавший этот вексель, оказался, видно, в таком отчаянном положении, что обратился ко мне, как к последней надежде. Могу ли я обмануть его ожидания, погубить чужую репутацию?»

И Сомачанд распорядился выдать просителю сто тысяч рупий по счету, которого не было, то есть из своих собственных средств.

Сома оторвался от воспоминаний и снова посмотрел на приезжего.

— Так это вы шетх Савачанд?

— Да, я Савачанд, ваш покорный слуга.

Слезы благодарности стояли в глазах гостя, он упал к ногам Сомы.

— Нет, нет! Разве вы слуга? Вы такой же купец, как и я. Не унижайте себя! Встаньте. Свои ценги я отдал не вам. Я пожертвовал их Богу. Зачем же мне брать их назад?

— Но шетх! Вы отдали деньги по моей просьбе, и я должен вам их вернуть. Это — закон чести. Возьмите их, они ваши.

Увы, Сома не соглашался брать долг. Он повторял одно и то же: эти деньги он не одолжил, а пожертвовал. Брать назад пожертвованье — грех. Так никто не поступает.

Однако и Сава крепко стоял на своем.

Деньги лежали между Савой и Сомом, и ни тот ни другой не хотели их брать.

Наконец, Савачанд нашел выход.

- Раз мы оба отказываемся, надо использовать средства на богоугодное дело.

– Вот это правильно! – поддержал Сомачанд. – Я добавлю к вашей сумме такую же свою, и мы построил храм на вершине горы Сиддхи - пригласим лучших мастеров и возведем прекрасный джайнский храм!

Высоко в небе победно развеваются стяги над храмом «Сава-Сома», сооруженном на самой вершине Сиддхи, и напоминающем нам о славных деяниях старины.

7. МОНАХ-ДРОВОСЕК

На лиане подвижничества снова распускаются цветы самоотречения.

Властитель Магадхи раджа Бимбасар не раз говорил, что княжество не оставит семью того, кто предпримет высокое деяние – изберет для себя монашеский путь.

Гаутама считал, что всякий, кто стремится прервать бесконечную череду перерождений, должен пойти по дороге самоотречения. Великое душевное блаженство обрели те, кто прошли ее до конца. Среди них – джайнский святой Махавир. Самопожертвование и вера озарили его жизнь неведомым прежде светом.

Путь, дарующий благо, открыт всем: богатым и бедным, мужчинам и женщинам. У каждого есть право пройти дорогой терпения и освободиться от земных уз.

Однажды глава джайнской общины великий муні Судхармасвами – почитаемый всеми мудрец, сочинитель трактата «Двашанги», ученик самого Гаутамасвами*, прославленный проповедник пришел в город Раджгрихи – столицу княжества Магадха. Повсюду вокруг святого воцарялись мир, спокойствие, благочестие. Толпы верующих окружали Судхармасвами, где бы он ни появлялся. Его мягкий ласковый голос, тихая убедительность речи вселяли надежду в души страдающих людей. Весть о пребывании учителя необыкновенно взволновала жителей города».

В своей первой проповеди великий муні говорил о роли монашеского подвига.

– Без отречения от мирских соблазнов не избавиться отперерождений. Самоотречение приносит человеку самую высокую радость, но надо проявить не мало усилий, чтобы отринуть мимолетные наслаждения жизни ради вечного блаженства.

Слова Судхармасвами запали в души тех, кто пожелал прервать цепь перерождений. Среди них оказался и один бедный дровосек. В жизни его было столько горя, что он просто устал жить. Им овладела мечта покинуть мир людей, стать отшельником, обратиться к Богу. В это время он и услышал проповедь святого.

Душу бедняка охватило желание стать джайнским монахом. Он обратился к учителю и получил его благословение. Так дровосек принял монашеский сан и повел жизнь отшельника. Он строго соблюдал святыя обеты, предавался постам и молитвам. Это приносило покой и умиротворение его душе, однако ум его все еще пребывал в тревоге. Монаха-дровосека постоянно мучил вопрос: что говорят нем люди?

Горожане хорошо знали дровосека. Слышали они и о том, что он стал монахом. Поэтому, когда он проходил по улице, с него не спускали глаз. Одни приветствовали его, почтительно сложив ладони лодочкой; преклонялись перед волей к самоотречению; другие же говорили:

– Вы знаете, кто это? Вы его узнаете? Это же наш дровосек! Прежде, как положено, он целыми днями бродил по лесу, разыскивал сухостой, рубил, работал, носил в город... А теперь – глядите-ка – сделался монахом, джайнским святым... Хорошенькое дельце! Никаких забот.

– Что верно, то верно, – подхватывали третьи. – У нас дажестишоктакойесть:

Обрей затылок, бедолага,

И сразу получай три блага:

Раз бритый – нечему чесаться;

Всегда сумеешь пропитаться;

А мы еще тебя уважим:

Ты будешь зваться «магараджем»!

Монах-дровосек слушал эти насмешки и очень переживал.

Он только-только вступил на путь подвижничества, не обрел необходимой твердости и долготерпения. Трудно ему стало. И обратился он с просьбой к великому муни:

– Достойный учитель! Позвольте мне уйти отсюда, благословите на странничество. Здесь люди хорошо помнят, как я был бедным дровосеком, они насмежаются надо мной и позорят монашеский сан.

Монах-дровосек готов был заплакать от печали, но учитель сказал ему:

– Успокойся и не тревожься. Мы все отправимся вместе с тобой.

В тот же день Абхайкумар – главный министр княжества – пришел приветствовать великого муни, однако с удивлением увидел, что все монахи собираются в дорогу.

– Владыко! Это так неожиданно... Почему вы решили вдруг нас покинуть?

Судхарма заставил себя улыбнуться:

– Почтенный министр! Мы хотели остаться у вас надолго, но увидели, что здесь неуважительно относятся к нашей вере. Мы вынуждены уйти.

Министр Абхайкумар не знал, что и подумать.

– Вчемдело? Что случилось? Кто и к кому проявил неуважение? – спрашивал он.

Судхарма рассказал ему, как горожане обидели монаха-дровосека.

– Кому-то нравится наша вера, кому-то нет, но за что же нас так порицать? Наш новый собрат прежде был простым дровосеком, и теперь при виде его, люди смеются над ним, обидно отзываются об его сани,

обвиняют его, что он стал монахом лишь для того, чтобы беззаботно и безбедно жить. Они считают, что, если в доме нет хлеба, то самое надежное – пойти в монахи...И хотя наш собрат не гневается на этих людей, но душу его ранит унижение монашеского достоинства. Ранит оно и наши души. Вот почему мы решили отправиться в путь вместе с ним.

Все случившееся очень огорчило Абдайкумара.

– Досточтимый учитель! Не спешите уходить. Я обещаю вам, что никто не будет смеяться над монахом-дровосеком, и люди поймут сколь труден и славен путь подвижничества.

Судхармасвами согласился подождать.

На следующий день едва взошло солнце глашатай под барабанный бой объявил на всю столицу, что князь Магадхи раджа Бимбасар готов подарить три груды драгоценных камней, стоящих миллионы золотых монет, всякому, кто навсегда откажется прикоснуться к женщине, разжигать огонь и есть мясо животных!

Народ впервые слышал такую речь и был поражен. Толпы людей на все лады обсуждали предложение князя.

По повелению раджи его слуги выставили драгоценности у городских ворот. Волшебные камни играли лучами солнца, переливались, как живые; горели огнями; пересверкивали острыми искорками! Горожане смотрели с изумлением на эти несметные сокровища. Неужели князь отдаст их кому-нибудь в дар?

Да, но и договор не из простых! Ах, еслибы не такие строгие требования!.. Отказаться от женщин, не жечь огня, не есть мяса... Тогда к чему все эти самоцветы? В конце концов богатство служит тому, чтобы доставлять нам наслаждения, а не лишать их. Иначе зачем оно?

Так никто и не решился овладеть сокровищами.

Людское море еще волновалось вокруг драгоценностей, когда главный министр Абхайкумар

громко спросил у всех:

— Скажите, богатым или бедным можно считать того, кто завладеет княжеским даром?

— Конечно, богатым!

— Тогда почему же никто из вас не хочет им стать?

— Мы бы с радостью! Но ведь... тогда придется принять монашеский сан.

— Ну, а если среди вас уже есть человек, ставший

монахом без всяких сокровищ? Как бы вы назвали его?
– спросил Абхайкумар.

–О, это – великий святой! – ответили люди в один голос.

– Теперь вы, может быть, догадались, о ком идет речь?

Абхайкумар заговорил еще громче, и слова его долетели досамых высоких куполов:

– В наш город пришел досточтимый учитель, святой Судхармасвами. Один бедный дровосек стал его учеником и сподвижником. Он дал обет не прикасаться к женщине, не разжигать огня, неупотреблять в пищу мясо животных. Вы знаете этого человека?

– Да, знаем!

– Тогда как вы думаете, если такой человек возьмет сокровища, это будет справедливо?

– Да, справедливо..,

– И тем не менее он не пришел за камнями, потому что знает: монашество дороже всех богатств мира. Спокойно и достойно отказываться от таких даров могут только великие души, истинные подвижники. Рядом с ними и наша жизнь становится чище. Уважайте их, почитайте в них могучую силу самоотречения.

И тогда столица огласилась радостными криками: людиприветствовали монаха-дровосека.

8. МАТЬ ГРЕХА

Весна ушла в прохладные небесные выси, и теперь на просторах земли летний зной вершил свой огненный танец.

Был вечер.

Лучи заходящего солнца окрасили небо во все цвета и озарили чудесным светом лик муни, восседавшего под деревом баньян. Мудрец был погружен в глубокое раздумье, когда к нему подошел прохожий и почтительно склонился у ног святого подобных лотосу.

— Будьте благословенны! Что привело вас ко мне? — спросил мун.

— Досточтимый! Одно сомнение смущает мою душу. Не можете ли вы мне разрешить его? Я пришел к вам за советом.

Святой внимательно посмотрел на путника. Им был Шумбхакар, житель Притхвипура — ученый и знаток веры, поэзии, грамматики, права. Он мог ответить на любой вопрос. Ему казалось, что он знает все, и он, действительно, все знал. Но сегодня его жена Шридеви смутила его. Она задала странный вопрос, на который у мужа не нашлось ответа. Шридеви спросила:

— Супруг мой, скажите мне, кто мать греха?

Шумбхакар стал вспоминать все, что он когда-либо читало грехе. Мысленно он перелистывал шастры, бормотал шлоки*, но напрасно! О матери греха там не было сказано.

Прошло несколько дней, и Шридеви узнала, что в окрестности Притхвитура пришел джайнский святой, что

он восседает под баньяновым деревом и ведет странные речи. Тогда Шумбхакари отправился к мудрецу. Может быть, святой джайн разрешит его сомнение.

– Спрашивайте, почтенный! – сказал муни, – Если сумею, то отвечу на ваш вопрос. Да вы и сами человек ученый, это видно по всему.

Речь муни лучилась добротой, и Шумбхакар воскликнул:

– О, вы сразу догадались, кто я! Да, я ученый пандит, по рождению принадлежу к высшей касте. Я познал законы веры, изучил поэзию, грамматику, право, но один вопрос поставил меня в тупик.

– Спрашивайте.

– Досточтимый муни! Кто мать греха?

Вопрос удивил святого. Джайн подумал и сказал:

– Друг, вы можете придти завтра вечером? Я дам вам ответ.

– Хорошо, – согласился Шумбхакар.

После его ухода муни позвал своего ученика и попросил достать два драгоценных камня. Ученик исполнил просьбу. Затем святой сказал:

– Принесите труп умершего животного и положите его в ста шагах от джайнской обители.

И это приказание было исполнено в точности.

Песчинки в песочных часах сыплются неумолимо. Вот и прекрасные сумерки следующего дня, позванивая браслетами, начали свой танец во дворе земного дворца.

И тогда Шумбхакар вновь пришел к святому джайну.

– Друг! – приветствовал его муни, – Я рад видеть вас, но прежде, чем вы получите ответ, обещайте выполнить одну мою просьбу. Если вы дадите слово, то я вручу вам этот драгоценный камень сейчас же, а после того, как вы сделаете работу, подарю и другой. Согласны?

Возле муни, сверкая, лежали два драгоценных камня.

Шумбхакар с наслаждением смотрел на них — до того они были красивы.

— Учитель! Скорее скажите, что я должен сделать. Даю слово исполнить все, что вы пожелаете.

— Прекрасно, — улыбнулся джайн. — Но сначала выберети какую-нибудь драгоценность из двух.

Шумбхакар осторожно взял один камень и положил его на ладонь. Сколько тепла в самоцвете! Сколько игры света в его гранях!..

— Учитель! — снова повторил пандит. — Говорите, что мне делать.

— Почтенный, — начал муни, — в ста шагах от монастыря лежит труп животного. При таких обстоятельствах наша вера запрещает нам совершать богослужение, но не разрешает и убрать животное. Сделайте милость, возьмите труп, и унесите его куда-нибудь подальше.

Шумбхакар был озадачен. Он и представить себе не мог, что его попросят именно об этом. Но камень, камень!.. Разные чувства овладели Шумбхакаром. И все же он решил, что если переменить одежду, закрыть лицо концом дхоти* и оттащить труп

подальше от монастырских стен, то в темноте можно остаться неузнанным.

Когда сгустились сумерки, пандит стер со лба тилак, незаметно подкрался к мертвому животному, векинул труп на плечо и на всякий случай захромал, как нищий калека, чтобы никто его не узнал. Он забросил падаль далеко от обители, вернулся домой, переоделся во все чистое и предстал перед муни.

— Учитель! Дело сделано. Могу ли я получить второй камень? — и протянул руку за вознаграждением.

Ни слова не говоря, муни передал ему драгоценность. Шумбхакар взял ее в руку и долго любовался красотой камня. Наконец, словно вспомнив о чем-то, он воскликнул:

— Высокочтимый муни! Я же пришел за ответом на

мой вопрос, но помешало дело. Не соблаговолите ли вы теперь ответить мне: кто мать греха?

Святой улыбнулся и сказал:— Странно! Неужели вы до сих не поняли сами?..

И тут на Шумбхакара нашло просветление. Он вздрогнул. Целая буря чувств пронеслась в его душе. «Ох! Вот же ответ... Вот он! Жадность заставила меня согласиться на это дело. Одного камня показалось мне

недостаточно. Я захотел получить второй и ради него исполнил то, чему душа моя противилась. Мать греха есть жадность. Она — корень зла. Так говорят мудрые люди, и это правильно.»

— Я понял, учитель! Жадность — мать греха в нашем мире.

— Вы правы, мой супруг, — согласилась и Шридеви, пришедшая вслед за мужем. — Все грешные деяния — от жадности, инет ей предела. Чистый свет покаяния зажегся в душе Шумбхакара, и отблеск его отразился в глазах пандита.

— Учитель! Отдайте эти камни тем, у кого вы их взяли для меня. Отныне я буду говорить всем: оставьте жадность, непотакайте корысти, живите в радости, и жизнь наградит вас сладкими глотками блаженства! Муни поднял руку для благословения: — Будь счастлив, друг!

Шумбхакар и Шридеви припали к ногам святого. Тихий ночной ветер пролетал над ними...

9. НЕВЕДОМАЯ ВЕТКА, НЕВИДАННЫЙ ЦВЕТOK

Время течет медленно-медленно. Оно подобно усталому путнику, бредущему по дороге. Но исподволь, почти незаметно путник вступает в такие пределы, где совершаются великие подвиги покаяния.

Давно это было. Много веков тому назад княжество Магадха славилось своим университетом – видьяпитхм. Ученики осваивали там философию, религию, право; становились знатоками музыки и поэзии; познавали волнующий мир танца и воинскую премудрость.

Один из наставников – пандит Сомешвар – обучал танцевальному искусству княжескую дочь – раджкумару. Учителя звали богом танца. Ради любимого дела Сомешвар покинул родительский дом, а если бы потребовалось, то и обитель богов. Танец Сомешвара был исполнен высокого чувства, одухотворен. Одаренность учителя сквозила в каждой его движении, душевная чистота и благородство передавались в каждом жесте. Сомешвар говорил, что только люди с чистыми помыслами и чистой жизнью могут служить искусству, и сам твердо придерживался своего убеждения.

Князь – правитель Магадхи чтит такое благочестие и преданность делу. Прежде, чем отдать в ученье дочь, он испытал намерения наставника и удостоверился в том, что душа Сомешвара подобна золоту: испытания делают ее еще чище, точно так же, как плавление очищает металл от всего постороннего.

Дочь магараджа очень любила танцевать и обладала чудесными способностями. Как-то отец спросил учителя успешно ли подвигаются занятия, на что тот с улыбкой ответил:

– Каждая частичка души вашей дочери наполнена танцем. Он является в любом изгибе ее тела.

Девушка поклонялась танцу, как солнцу. Он стал ее верой, обрядом, молитвой. Сомешвар и княжна сделались единоверцами, жрецом и жрицей в солнечном и лунном храме танца. Он сблизил их души, возвысил сердца. Разлука уже казалась им невозможной. Целые дни проводили они вместе. Любовь их была светла и беспечальна. Так продолжалось до тех пор, пока однажды сердце раджкумары не поразило змеиное жало соблазна.

В ночь полнолуния княжне не спалось. Лунный свет всегда такой трепетный, но прохладный, ныне обжег и ее. Девушка пожелала увидеть учителя и не смогла воспротивиться этому чувству. Ноги сами привели ее в спальню к Сомешвару.

Он спал на высокой постеле. Сквозь раскрытое окно дворцовых

Покоев лился чарующий лунный свет, освещая прекрасное тело учителя, придавая ему лоск царственного лотоса.

Благоговение при виде этого чуда остановило раджкумару. «Нет, нет, не буди его!» – подсказывал ей разум. Но искушение язвило душу, нашептывая: «Да, да, да! Разбуди, разбуди, разбуди!...»

Недолго длился поединок между стойкостью и навождением. Девушка бросилась к себе, поспешно облачилась в самое красивое одеяние, выбрала самые драгоценные украшения, вбежала в спальню и легким прикосновением ладони нарушила сон учителя.

Когда он увидел стоявшую перед ним княжну, то удивился лишь на мгновение. Глаза их встретились, и

Сомешвар понял все. Он надел танцевальный наряд и сделал движение навстречу танцовщице... Но на сей раз они танцевали не врозь, как обычно.

Все чаще и чаще раджкумара касалась своего возлюбленного, и от ее нежных прикосновений искушение проникло в его сердце. Душа его пришла в смятение. Он устремился к протянутым рукам княжны и обнял ее. Разум покинул их, а потом они словно впали в забытие.

Когда рассветный туман стал застилать постель, Сомешвар очнулся. Сознание вернулось к нему, он выбежал из спальни. А раджкумара поникла, как увядший цветок. Безысходность овладела ее душой. Она поняла, что случилось что-то непоправимое. Какая-то тяжесть надломилась, и княжна сделалась как мертвая.

А Сомешвар казнил себя за то, что поддался навождению, пожертвовал ему своим достоинством, душевной чистотой. «Что же мне делать? Что мне делать?» — спрашивал он себя, и в сердце его звучало одно только слово: «Покайся!» Он принял решение искупить свою вину любой ценой.

Утром учитель пришел к магараджу. Тот встретил его, как всегда, приветливо и с готовностью согласился выслушать:

— Прошу вас, пандит, спрашивайте, не смущайтесь.

Дрожащим от напряжения голосом Сомешвар спросил:

— Магарадж! Какое наказание ждет того, кто нечисто посмотрел на свою сестру?

— Он должен ослепнуть, — ответил князь.

— А как накажут того, кто прикоснулся к сестре, когда помыслы его были греховны?

— Он лишится рук.

Магарадж хотел было выяснить причину столь странных вопросов, но, опередив его недоумение, учитель выбежал из дворца.

— Что с ним случилось? Почему душа его пребывает в таком смятении? — думал князь. Он пытался вернуть наставника, однако тот навсегда покинул Магадху. Следы его затерялись, и все поиски оказались напрасными.

Время безостановочно, словно речной поток.

Прошли годы, и вот магарадж узнал, что Сомешвар, когда-то учивший его дочь искусству танца, живет в одинокой хижине на берегу реки Соны. Жестокая судьба лишила учителя глаза рук. Он, бедный, ослеп, как Сурдас*!

Рассказывая об этом, человек, принесший весть, заплакал:

— Кто сотворил такое зло над учителем, которого люди называли богом танца? Ведь он святой! За что же причинили ему такие страдания?

Услышав известие, магарадж страшно разгневался и немедленно решил покарать того, кто повинен в несчастье Сомешвара. Вместе с дочерью он отправился к учителю.

— Досточтимый! Кто это сделал? Скажи мне и его постигнет расплата! — воскликнул князь.

Однако святой тихо ответил:

— Не надо гневаться, повелитель. Я сам наказал себя за мой грех.

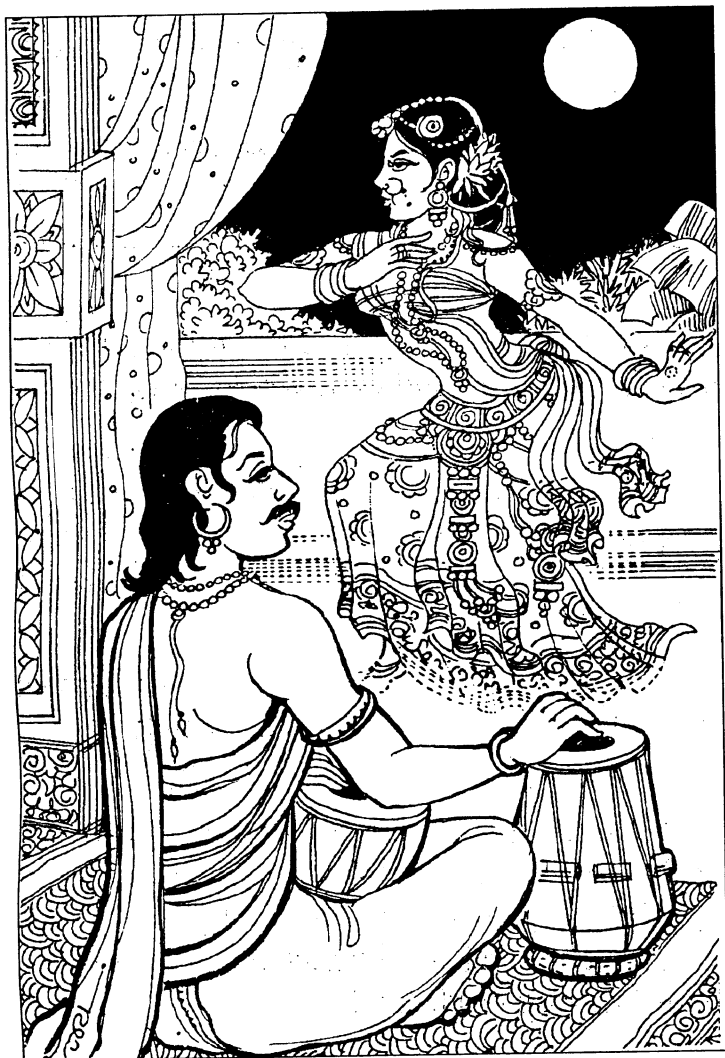
— За какой грех? — спросил магарадж.

— И тогда Сомешвар медленно произнес:

— Однажды я посмотрел на раджкумару так, как не должен был смотреть, и вы определили мне наказание за эту вину...

И тут магарадж вспомнил, какие странные вопросы задавал ему Сомешвар во дворце перед тем, как покинуть Магадху, в каком волнении пребывал, спрашивал повелителя, и что отвечал ему князь.

Все это вихрем закружилось и представилось магараджу, ноне успел он осознать случившееся, как

раздался крик раджкумары:

– Нет-нет, отец! Это моя вина. Это мое сердце поразила змея соблазна!

Дочь, словно моля о прощении, склонилась к ногам повелителя Магадхи и в тот же миг ударом двух пальцев ослепила себя.

Убитый горем князь несколько дней уговаривал ее и Сомешвара вернуться назад в столицу. Оба отказались

и в конце концов магарадж оставил их.

С той поры на берегу Соны стояли рядом две хижинки: одна – подвижники учителя, другая – раджкумары. Жили, помогая друг другу. Казалось, что единая душа обитает в двух телах, и эта душа посвящена Богу.

Доныне над Соной неподалеку от крепости Рохтас возвышаются два маленьких надгробья в виде джайнских храмов – вестников того покаяния. Они словно говорят прохожим: вот тела, распрощавшиеся с этим миром, и вот души, пребывающие в нем.

10. ДОЛГ

«У каждого человека есть долг перед своей семьей, другими людьми и страной. Плох тот, кто не исполняет долга».

Эти слова проповедника шри* Хемичандрасури звучали в душе Шрипалшетха, когда он возвращался с утренней проповеди.

Дело было в городе Анхилпуре – столице государства Гурджар. Трудолюбивые водоносы; отважные воины – кшатрии; преуспевающие торговцы вайшьи, хранители знаний, знатоки божественной мудрости – брахманы жили в Анхилпуре. Простые люди называли этот город Патаном.

Магараджей Патана являлся Сиддхарадж Джайсингх – любимец богини Сарасвати, владелец драгоценного ожерелья махарани стоимостью в триста пятьдесят тысяч рупий.

Духовным наставником народа был сведующий в калиюгешри ачарья Хемачандра – грамматики «Сиддхахема». И раджа и подданные уважали его ученость.

Пост министра княжества занимал Мунджалдев – создатель Гуджарата от Соратха до Бхригукаччха, искусный дипломат, изощренный в решении спорных вопросов.

А купечество Патана возглавлял Шрипалшетх – человек огромного богатства, кладезь ума и доброты, воплощение закона, истинный сын богини Лакшми, тот

самый, что возвращался теперь с проповеди.

Шрипал размышлял о словах духовного учителя. Да, шетх старался строго исполнять долг перед семьей и другими людьми. Но сейчас он задумался о том, насколько полно выполняет свои обязанности перед Гуджаратом. Если есть страна, есть все; если нет страны, нет ничего.

Время было очень тревожным. Только за один минувший год сколько событий повернулось в колесе истории! А ведь оно продолжает вращаться, не останавливаясь ни на минуту.

Шрипалшетх прохаживался под открытым небом во дворе своего дома. Мысли о том, что происходит вокруг, не давали ему покоя. Ровно год назад магарадж пригласил Шрипала во дворец и сказал:

– Почтенный Шрипалшетх, мой сон стал моим недругом.

Купец рассмеялся:

– О, магарадж! Лишь этот недруг может враждовать с вами во всем Гуджарате.

Улыбки возникли на лицах ачарьи Хемачандры и придворных.

– Почтенный шетх! – продолжил магарадж. – Мои подданные никогда ни на что мне не жалуются. Но я узнал, что у них стало плохо с водой.

– Да, – согласился Шрипал.

– Хорошо, если бы река Сарасвати изменила течение и прошла через город. Сделайте так!

– Как прикажет повелитель.

Шри Хемачандра заметил:

– Магарадж! Осталось только, чтобы вместе с речными водами народ обрел духовный источник и припал к нему.

На что Джайсингх ответил:

– Слава Господу! По воле Его о земной жизни заботится раджа, а о духовной – наши святые.

Магарадж Джайсингх любил строить фантастические планы. Обыкновенно, сидя на золотом троне, он устремлялочи к небесам, и его взору представлялось нечто такое, что ему хотелось бы воплотить. Сейчас воображение нарисовало ему красивейшее озеро, украшенное по берегам тысячью лингамов, и нежные девушки Патана, набирающиеводу в кувшины, сверкающие на солнца. О, какой изумительный вид!

– Мунджалдев! – позвал магарадж своего министра.

– Слушаю, – ответил тот, стараясь предугадать желание повелителя.

– Создай такое озеро, которое только что возникло в моем воображении. На его берегах воздвигни статую Шивы* и установи тысячу лингамов*. Я хочу посвятить это озеро памяти моей матери, но назову его в честь Шивы озером тысячи лингамов.

– Браво!

– Прекрасная мысль!

– Подарок всему Гуджарату! – слышались радостные возгласы.

Но едва к востоку от дворца закипела работа, как грянул барабан войны с княжеством Мальва. Для Патана это было большим несчастьем, но Джайсингх сказал:

– Мы уже сражались с Мальвой и победили. Вторая война

не займет много времени.

Магарадж сам встал во главе войска, однако время шло, силы иссякали, деньги таяли, а конец войне не предвиделся. Казна катастрофически пустела.

Государство оказалось не в состоянии одновременно вести войну и строить чудесное, дорогостоящее озеро. Но и прекратить боевые действия или строительство магараджа не мог. И то и другое он рассматривал, как дело чести для Гуджарата.

Вот эти-то обстоятельства и тревожили купца Шрипалшетха.

Его личное богатство было несметным. Но как направить его на пользу Гуджарату? Слава столицы – это слава всей страны. Вступив в дорожку лунного света, Шрипал вспомнил, что сегодня утром он пришел на прием к министру с просьбой передать ему, Шрипалу, все заботы и тяготы по строительству озера.

– Почтенный шетх! – сказал Мунджалдев. – Пока в Патане есть такие люди, как вы, наша столица будет процветающим городом. Но вы знаете, что строительство озера ведется только за счет доходов казны. Никакие пожертвования не принимаются.

– Какая сумма нужна для того, чтобы закончить дело?

– Триста пятьдесят тысяч рупий.

– А если я их дам?..

– Магарадж ни за что не примет от вас такой дар. Это нарушает условия строительства. К тому же ваш вклад непомерно велик.

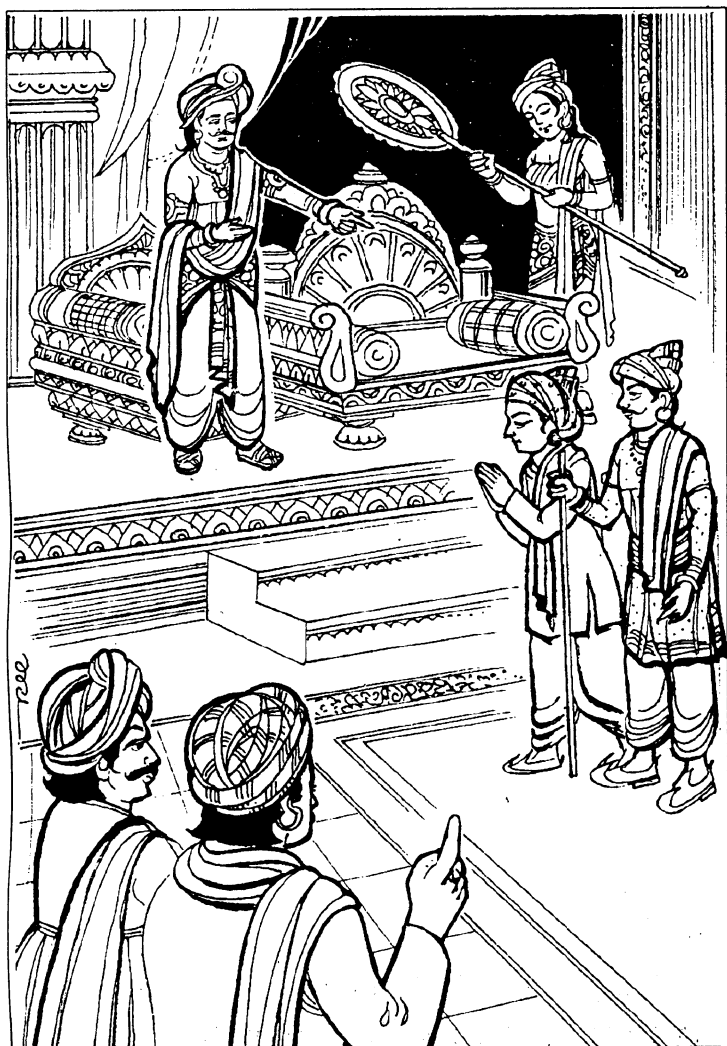
Теперь, шагая по двору, залитому лунным светом, Шрипал обдумывал, как же все-таки ухитриться вложить средства в строительство озера, сослужить службу Гуджарату?

И выход был найден, Шетх позвал сына Удаю, чтобы посвятить его в свой план.

На следующее утро по столице пронесся слух, что из сокровищницы магараджа украдено драгоценное ожерелье махарани *-слава Гуджарата, Министр Мунджал поклялся не прикасаться к воде до тех пор, пока ожерелье не будет обнаружено.

Прошел день, однако пропажа не нашлась. Надругоеутро у излучины Сарасвати поймали человека, оказавшегося Удаем – сыном Шрипалшетта. При обыске у него нашли княжеское сокровище.

Мунджал закипел от гнева:

— Ты предстанешь перед государственным собранием!

Вскоре в переполненном зале собрания министр заявил:

— Ожерелье обнаружено у сына Шрипалшетха Удаю. Он сознался в своем преступлении, и мы должны определить наказание Удаю. То, которое он заслуживает.

Среди прочих в зале сидел и Шрипалшетх. К

удивлению многих он не только не переживал за сына, а тихо улыбался.

Когда речь зашла о наказании виновного, Шрипал попросил слова:

– Почтенный министр! Мой сын сознался в преступлении?

– Да.

– В таком случае прошу вынести ему приговор.

– Мы полагаем, что виновный обязан внести в казну штраф, равный стоимости ожерелья, то есть триста пятьдесят тысяч рупий. Этим он искупит свою вину.

– Справедливый приговор! – воскликнул отец, и прямо в зале передал для казны Гуджарата сумму, взысканную с его сына.

И тут министр Мунджал осознал, что происходит. Он обратился к людям со словами:

– Недавно Шрипалшетх попросил у меня разрешение внести очень крупную сумму своих сбережений в городскую казну. Я отказал ему. Магарадж не может принимать от граждан такие огромные пожертвования на общие нужды. Но сколь загадочна сокровищница человеческого сердца!

Шрипалшетх разыграл перед нами это представление с похищением ожерелья махарани и даже сделал на некоторое время похитителем своего собственного сына лишь бы помочь княжеству!

Глаза министра блеснули, словно капли воды из озера тысячи лингамов.

– Если у нас есть граждане с таким чувством долга перед своей страной, значит, не оскудеет слава Гуджарата! И пока будет жить озеро, будет жива и память о шетхе.

– Слава! – закричал народ.

В глазах Шрипалшетха светилась радость. Он выполнил свой долг.

11. ВРУЧЁННАЯ

Нежный ветер овеивал высокие горы, поросшие сандаловым лесом. Город Патампутра крепко спал. Но бессонница сурьмила глаза Рукмини – дочери купца Дханаваха. Ее беспокоило то, о чем она услышала вечером.

Девушка сидела в одиночестве на красивое решетчатом балконе, когда стало темнеть. В это время к ней пришла ее подруга Анупала и рассказала, что завтра в городе будет праздник: дорогами странничества к ним придет муні Ваджракумар.

– А кто он? – спросила Рукмини.

Анупала рассмеялась:

– Ты не знаешь того, кто известен всей Индии? Это великий муні. Еще в детстве он совершил обряд посвящения и стал джайнским святым. Говорят, что по рождению он брахман, в юные годы изучал шастры и покориł богов силой подвижничества. После этого...

Ты что? Хочешь поведать мне всю его жизнь? – перебила подругу Рукмини.

Однако воодушевление не оставляло Анупалу:

– Я видела его! Лицо его цвета лотоса я и теперь не могу забыть... Никогда больше не встречала я такой чистой красоты. А в глазах у него столько детского удивления...

– Что ты сказала? Повтори, Анупала, – попросила Рукмини.

– У него такие чистые, чарующие глаза...

И Рукмини вспомнила, как однажды кто-то сказал при ней: «Где теперь встретишь человека, в глазах которого светилась бы чистота?» Тогда Рукмини дала себе зарок, что она выйдет замуж только за того, кто затронет ее душу. Но шли годы, а такой человек все не являлся.

«Что если муни Ваджрасвами тот самый юноша?» — думала Рукмини. — Тогда... Тогда он станет моим супругом.»

Девушка не заметила, как ушла Анупала, как пропел петух. Наступал час восхода солнца.

Увидев дочь, одетую так рано, Дханавах удивился: — Дочка, куда ты собралась?

Девушка коротко ответила и направилась в сад, где остановился Ваджрасвами. Отец последовал за ней.

Казалось, что золотистый ореол сияет вокруг тела святого. Высокая и сильная стать, светлое лицо, и глаза, глаза!..

Давая благословение собравшимся, муни воздел кверху руки:

— Да будет благо!

Пришедшие поклонились и раздвинулись, когда Рукмини, стоявшая рядом с отцом, подошла к муни и склонилась перед ним:

— Господин, я хочу принадлежать вам...

Муни был смущен. Что говорит ему эта красивая девушка?

— Возьмите меня, — повторила Рукмини. — Вы — тот юноша,

которого я так ждала!

Святой смотрел на склоненную к его ногам Рукмини.

— Кто ты? — спросил он.

— Сейчас я только Вручëнная. Согласитесь взять меня.

— Но почему ты хочешь вручить себя мне?

Рукмини подняла взор. Слезы и стыд смешались в нем.

— Я много лет искала человека, в глазах которого светилась бы такая чистота, как в ваших. Посмотрите на меня?

— Ты увидела что-то необычное в моих глазах? Знай, что если ты хочешь обрести внутренний свет, тебе надо выбрать путь самоотречения, душевная

чистота, передаваемая во взгляде, достигается годами подвижничества. Тебе нравится блеск моих глаз или я сам?

— Весь вы, мой господин!

— Мир соблазняет тебя своей видимостью. А то, что привлекает меня, неиллюзорно. Мой мир дает мне не видимость истины, а саму истину. К ней ведет духовная любовь. Я— паломник на пути к истине. Согласна ли ты сопровождать меня?

Рукмини поняла, что перед ней монах, оставивший женщин, богатство, наслаждения жизни. Сможет ли она выдержать испытание? Освободиться от уз плоти? Осилит ли дорогу подвижничества, которая сделала Ваджрасвами великим?

Девушка сложила ладони:

— Господин, ваш путь станет моим. Совершите обряд посвящения.

Святой посвятил Вручѐнную в монашеский сан и посмотрел над собой. Восход солнца показался ему сегодня необычным. Вставало как бы два солнца: на небе и на земле.

12. ИСПОВЕДЬ

Магарадж Аридаман был взволнован.

На его лице блеснули капли пота. В этот миг титул магараджа «Уттарапатха – горного княжества на севере Индии и все его сокровища казались ему ничтожными. Когда-нибудь и где-нибудь в мире случается с кем-то такое, отчего все мирские блага внезапно падают в цене. Магарадж думал о том, что если человек жертвует своей честью, теряет достоинство, то способна ли жизнь принести ему истинную радость? А, может быть, наоборот он впадет в отчаянье?

Аридаман встречал восход солнца. Природа разбросала вокруг несметные богатства. Магарадж стоял на вершине горы Шрирадж в Гималаях. Склоны ее поросли яркой зеленью. Солнце слепило глаза Аридаману. Зелень благоухала. «Станет ли и моя жизнь такой же солнечной и цветущей?» – спрашивал себя магарадж.

Поблизости шумел горный ручей. «О, сколько рек и ручьев перевидал я за свою жизнь, но никогда их плеск, говор, журчание не задевали мою душу.»

Одно событие заставило Аридамана погрузиться в глубокие раздумья. «Нет, нельзя сжигать свою жизнь, это преступно! Я сделаю что-нибудь достойное, доброе...»

Магарадж стоял на вершине залитой солнцем горы, а перед его глазами проходили события вчерашнего дня.

Утренний свет едва коснулся земли, когда слуга принес своему господину счастливую весть: в город пожаловал святой джайн.

Вместе со всей семьей Аридаман отправился приветствовать дорогого гостя. Тот благословил повелителя. Голос муни показался магараджу таким же глубоким и живительным, как поток Ганги. Приветствуя Аридамана, джайн сказал, что даже человек, совершавший злодеяния, не бывает преступен постоянно. И у него может случиться минута раскаянья, которая перевернет всю его жизнь. Два магараджа Бхарат и Бахубали были родными братьями, двумя из ста сыновей первого джайнского святого тиртханкара Ришабха. И тем не менее братья враждовали. Их взаимная ненависть дошла до того, что они вступили в жестокую битву, в которой победил Бахубали. Но не силой оружия, а силой самоотречения. Он опомнился первым и прекратил бой. В конце концов в этом мире побеждает тот, кто готов пожертвовать всем, но не враждовать.

Эта простая мудрость запала в сердце Аридаману. История его жизни была очень похожа на историю, рассказанную святым.

Магарадж вспомнил своего младшего брата. Отец дал обоим сыновьям образование, богатство, счастье и, вручая княжество старшему – Аридаману – велел позаботиться о младшем брате.

Однако Аридаман нарушил волю отца. В считанные часы после восшествия на княжеский престол он выгнал брата из страны. Народ горько роптал. «А я сказал, что я теперь здесь хозяин и буду делать все, что захочу! – вспоминал Аридаман. – Прошли годы. Я не пытался найти брата. Где он? Я-то был уверен, что он, отчаявшись, покончил с собой. Но судьба распорядилась иначе. Кто с ней поспорит?

Мол младший брат проявил мужество, сражался, завоевал с княжество Видарбх. Он прославился под именем Рипумардана.

И во мне вспыхнула зависть!

Он завоевал княжество и наслаждается победой? Этого я не мог стерпеть! Я объявил брату войну, двинул на него тысячи воинов, погубил тысячи жизней. Я воевал не ради земли и богатства. Мне было невыносимо от того, что мой брат испытывает радость. Вот чего я не мог перевить! Чтобы уничтожить эту радость, я стер кумкум со лбов тысяч женщин*. Такова была зависть моего сердца!

Настал последний час войны. Я уже предвкушал победу, как вдруг обстоятельства резко переменились. Мой командующий был убит. Войска опрокинуты. Я пытался спастись бегством. Но брат преградил мне путь. Он встал на моей дороге с мечом в руках, и меч его был обнажен. Глаза брата багровели, лицо пылало гневом. Он сказал:

– Аридаман! До чего довели тебя вражда и зависть?

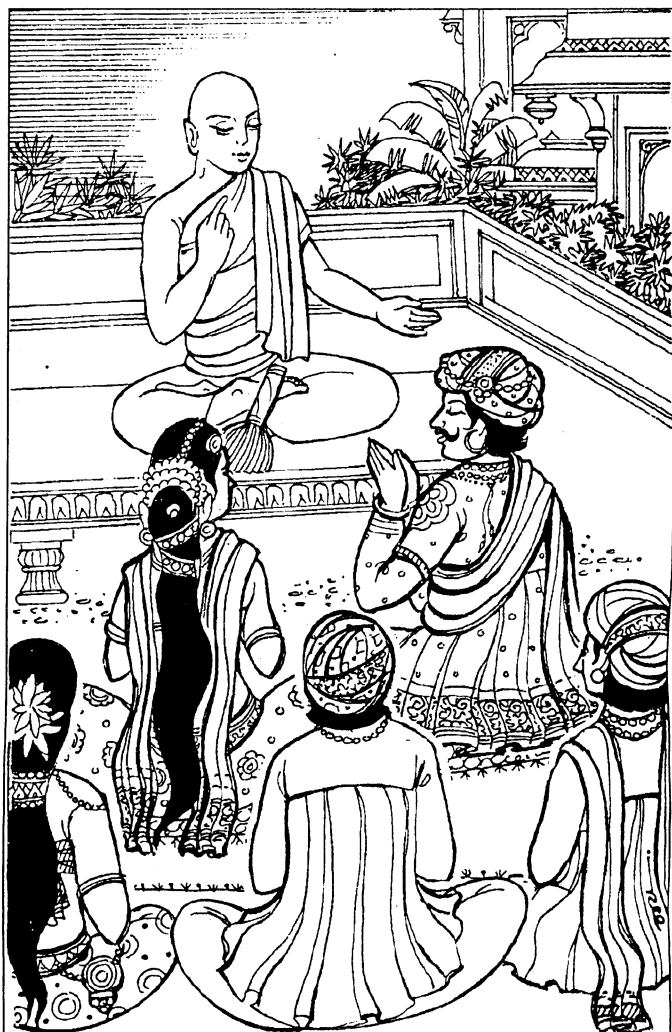
Мне достаточно вздеть меч и одним ударом покончить с тобой. Но я не сделаю этого.

С самого детства ты учился завидовать и ненавидеть. Только эти чувства питали тебя. Опомнись! Мы – сыновья одного отца. Мы – сыновья великого человека, избравшего святой путь. Не стыдно ли нам? Ты прогнал меня потому, что я тоже имел права на власть. Ты не захотел, чтобы я стал твоей опорой. Ты не приемлешь мира, старший брат! Что ты делаешь?

Но ты – мой брат, и я не могу взять на себя грех братоубийства. Я дарю тебе жизнь, отдаю княжество и ухожу путем странничества, путем одиночества – той дорогой, по которой ушел наш отец.

Но даже в тот миг сердце мое не дрогнуло, – исповедовался дальше перед самим собой Аридаман. – О! Даже тогда я ничуть не изменился. Нет. Моя зависть питала мою ненависть. Враждебность к брату не ослабевала.

Что же случилось потом?

Шло время. С годами я стал служить закону, соблюдал заповеди веры, но все это оставалось лишь благообразным прикрытием, золотым навесом. Мало кто хочет казаться скверным. Большинство грешников набрасывает на себя покров невинности изаконопослушания. Но истинная праведность проявляется изнутри, только тогда она озаряет светом жизнь человека. Как далеко было мне до этого!»

Вокруг Аридамана расстилались зеленые склоны, рядом шумел ручей, а под куполом сердца магараджа раздавались слова святого джайна. Отшельник — вот победитель мира! Сегодня магарадж чувствовал, что это правда. «Младший брат ушел победителем, а я лишь теперь понял это. Мой грех гнетет мое сердце. Мне надо сделать что-то хорошее, искупить свою вину перед братом.

Сегодня мне открылась правда. Я должен покаяться во всем. Я не знаю, где мой брат, но обязан здесь сейчас просить у него прощения. Надо оставить край, из-за которого я начал войну. Надо от чистого сердца просить прощения, очистить душу. Иначе я не смогу напоить ее радостью жизни.

Долго стоял Аридаман на горе, поросшей густой зеленью, и тяжесть зла постепенно освобождала его душу.

Солнце поднималось все выше над горою, но еще выше поднялось солнце в душе магараджа.

13. ВЕЛИКАЯ МАТЬ, ВЕЛИКИЙ СЫН

Год 1166 эры Викрамадитьи, месяц вайшахх*, третье число. В этот день произошло необычайное событие.

Волны человеческого моря плескались вокруг величественного помоста джайнской веры. Посредине помоста стоял серебряный трон, а на нем блистала четырехликая статуя бога Джинетвара – главного божества джайнов. Вокруг бога восседали святейшие из святых. А перед троном склонился молодой мунни. Он посвящался в ачарьи – духовные наставники народа.

Мунни звали Хемачандра. Ему исполнился двадцать один год. Взгляд его был полон самоотречения и чистоты. Обряд целиком завладел вниманием мунни, когда из толпы, окружавшей помост, раздался женский крик:

– Этот святой юноша – мой сын!

В возгласе материзвучали и смущение и гордость. Она присутствует при таком событии! Сын, который только что перешагнул двадцатилетний рубеж, признан великим мунни! Двенадцать лет назад она сама вручила сына духовному учителю. А сейчас воспоминания отнесли женщину еще глубже в прошлое.

Однажды ночью перед рассветом она увидела счастливый сон: как будто она получила волшебный камень, исполняющий любые желания, и отдала его шри Девачандрасури, который, действительно, был в это время в их деревне.

Женщина рассказала свой сон гуру Девачандру, на

что тот ответил:

– Почтенная Пахини, у тебя родится сын, и ты вручишь свое сокровище престолу Джины.

Мальчик родился в полнолуние месяца картак* в 1145 году по календарю Викрамадитьи. Он был единственным сыном у отца Чачадева и матери Пахини. Родители назвали сына Чангадевом. Играла нежная вина*, и под ее аккомпанимент быстро бежало время. Мальчик рос красивым и умным. Отец с матерью не чаяли в нем души. Наступил 1150 год. Гуру шри Девачандра вновь пожаловал в деревню.

Пахини взяла сына и пошла приветствовать учителя к помосту, где тот должен был восседать. Но гуру на помосте не оказалось, и пока Пахини думала, как ей быть, Чангадев проворно забрался на помост и занял место великого гуру.

– Сынок, немедленно встань! Это – святотатство, – закричала мать, увидев мальчика.

Но в этот момент к ней подошел Девачандрасури. Он взглянул на ребенка, и колокольчики воспоминаний зазвенели в душе учителя. Вот сбывшийся сон Пахини!

Гуру сказал:

– Пахини, пусть твой сын остается там. Смотри, как онукрашает помост.

В этих словах мать уловила скрытый намек на то, что ее сын должен принадлежать не ей, а джайнской вере, и любовь к сыну отозвалась в ее сердце жалобным криком павлина.

А Девачандрасури продолжал:

– Пахини! Ты помнишь, как тебе во сне привиделся драгоценней камень, и ты вручила его мне? Твой сын и есть тотволшебный камень. Ты готова передать его в мои руки?

Мать молчала.

– Пахини! Да, это твой сын, но не относись к нему

только как к своему ребенку. Сделай его сыном богини Сарасвати. Сделай его наследником джайнской веры. Сделай его великим! Стань той матерью, которая ведет своего мальчика по пути славы. Пахини, разве ты не такая мать?

А она смотрела на сына и плакала. Ей представилось, что муж никогда не согласится отдать их Чангадева в ученики к гуру. Но какое-то небывалое чувство охватило ее, она обняла сына и сказала:

– Досточтимый учитель! Возьмите его и сделайте великим.

Девачандрасури принял мальчика и в тот же день отправился с ним в город Стамбхатиртху.

Когда отец Чачадев узнал, что произошло, горю его не было границ. Он тоже поспешил в Стамбхатиртху и обратился к министру княжества Удаяну:

– Уважаемый министр! Я хочу вернуть своего сына.

– Никто не может вам запретить. Берите его. Он ваш, – ответил Удаян. – Но только имейте в виду, что тогда именно вы явитесь препятствием для вашего сына на его пути к величию. Мальчик имеет прекрасные задатки. Он способен стать великим джайнским святым, повести за собою всех...

И Чачадев уступил.

1154 год. Его сын принял посвящение в монахи. Учитель дал мальчику имя мунни Сомачандра.

А Пахини все-таки ждала не вернется ли сын домой. Ей так хотелось получить хотя бы весточку о нем!

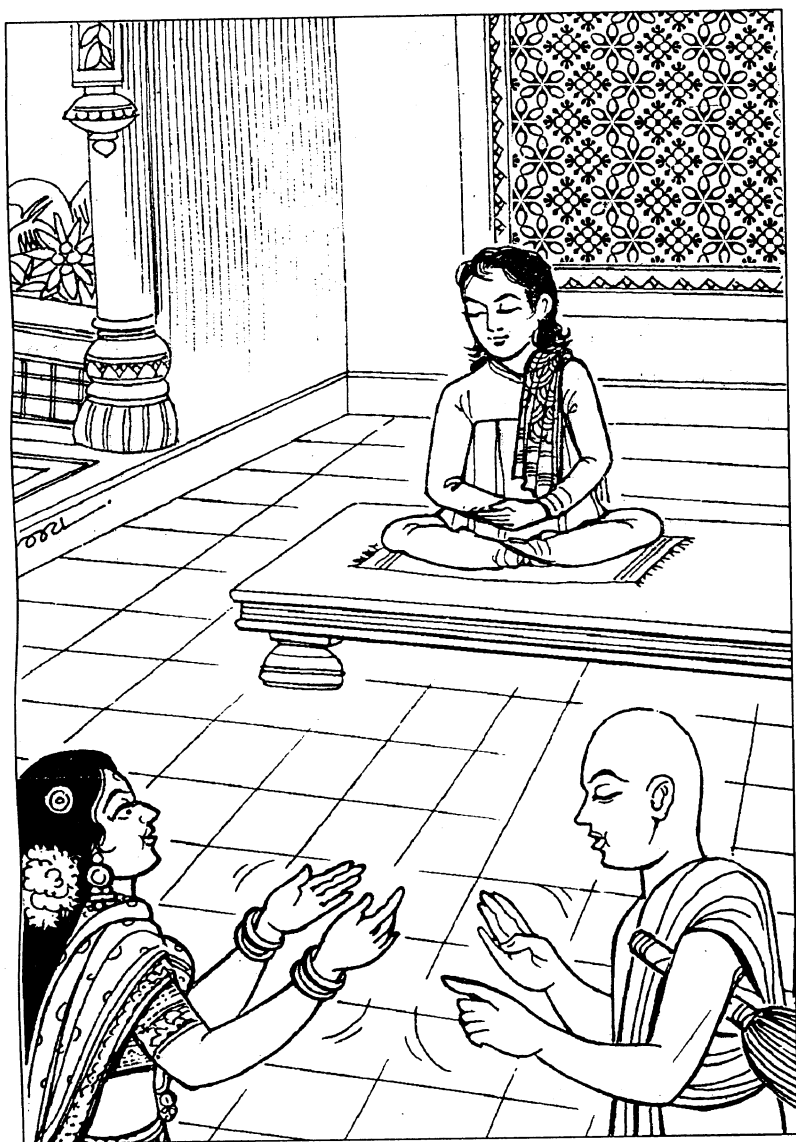
Однажды ее известили, что Девачандрасури приглашает ее в Нагаур, где ее сын мунни Сомачандра станет ачарьей.

Принесший весть добавил:

– При этом мунни изменит свое имя. Его новое имя будет Хемачандра. И вот почему.

Как-то учитель Девачандрасури пришел с учеником в

Патан. Во дворе у купца Дханада лекала куча угля. Когда-то Дханада был так богат, что золото не помещалось у него в сундуках и занимала даже часть двора. Но игру судьбы не постичь. Ее зеленые листья высохли и облетели, а золото превратилось в груды угля.

Взглянув на уголь, муні Сомачандра снова увидел в нем золото.

– Учитель, – спросил он. – Зачем купец положил во двор столько золота?

Услышав эти слова, хозяин дома посадил мальчика на уголь, и обыкновенные угли стали золотом. Вот тогда-то муні Сомачандра и называли Хемачандром, ведь «хема» значит «золото».

Так Пахини получила долгожданную возможность увидеть сына. Хотя это был уже не только ее сын. Он сделался наследником богини Сарасвати, вероучителем, идущим по пути славы. Там, где он пройдет, расцветут цветы джайнской веры. Там, куда он направит свои стопы, возникнут места паломничества. Гуджарат всегда будет следовать ачарье Хемачандру. Он станет гордостью гуджаратцев, проповедником, знатоком калиюги*.

Когда Девачандрасури объявил Хемачандру духовным, Пахини пробралась сквозь толпу, подошла к сыну и, благословив его, сказала:

– Наставь меня на тот путь, по которому идешь ты. Я хочу быть монахиней в твоей общине.

Сын посмотрел на мать с благодарностью и посвятил ее в монашеский сан.

Людское море приветствовало великую мать, пошедшую по стопам своего великого сына.

Ученая и подвижница шри Пахини скончалась в 1211 году. Почтительно сложив руки, Хемачандра сказал:

– От нас ушла великая душа. В святую память о ней я совершу тысячу навкаров*.

✱

ПРИМЕЧАНИЯ

К РАССКАЗАМ ОБ ИНДИЙСКИХ СВЯТЫХ

Эту книгу следует рассматривать как популярное введение в литературу джайнов, их понимание жизни.

Главное в джайнизме — как и вообще виндийских верованиях — освобождение души от земных уз. В отличие от Христа духовные наставники древней Индии полагали, что возмездие за нечестивую жизнь ожидает порочную душу не в инопространственном аду, а здесь на земле: душа вселяется в иное тело, иную тварь. Это и есть ее ад. Другого ада нет. Другое есть нирвана чистых душ, вечное блаженство, великая награда праведникам, прекращение их страданий, ибо даже самая счастливая земная судьба не может сравниться с безмерностью того счастья, той свободы.

Усилия праведности, а еще уже монашества, а еще острей святости позволяют прервать цепь бесконечных перерождений, мирских мытарств. Именно поэтому джайнизм опирается на строго этическую систему ценностей. Отношение человека к себе, другим людям, всей окружающей природе — вот что определяет обретение душой вечного блаженства, а не богатство, власть или слава. Человеческим идеалом для мирянина-джайна служит святой монах, нищий странник, желающий искупить своим подвижничеством мировую вину — развращенный дух, прелюбодействующую

плоть.

Странничество, благочестие, вера... Когда-то так было и на Руси. Русское средневековье сочетало в себе дикость и святость. Именно на эту эпоху приходится обилие праведников, любовь к ним, их почитание народом.

То прагматическое начало, которое задал стране Петр, резко повернуло ее в сторону Запада, цивилизовало, заложило фундамент будущего державного могущества, но вместе с тем неизбежно снизило роль и уровень духовного подвига, вероучительства, благочестия. Царь поставил патриарха на службу монархии. Земное становилось важнее небесного. Вечное уступало место временному и ставилось в зависимость от него.

Прагматический натиск нарастал. Однако глубокая духовность еще жила в народе, особенно в крестьянстве, а ее вершинные достижения составили гордость русской культуры XIX века.

И тем не менее к началу XX столетия святые на Руси уже не имели прежнего влияния, а сама святая Русь постепенно превращалась в великую Россию – воительницу и завоевательницу, кормилицу Европы и ее грозу. Дело принимало сперва практический, а потом и трагический оборот. Бог оставлял страну, изгонявшую его. После трех революций, двух мировых войн, десятилетий гражданского братоубийства говорить о святости в России было некому и не с кем. Первое в мире атеистическое государство перевело духовное в плоскость удовлетворения и обслуживания своих земных, то есть плотских, устремлений. Не только бессмертие, но и само существование души, как отдельной субстанции, отрицалось. Смерть тела означала смерть всего. Конечную гибель. Предел. За ним пустота. Все – здесь. Так хватайте же здешнее, пока не поздно! Это привело к новому падению духовности. Но жажда ее жила и продолжает, несмотря ни на что, жить в народе, в безвестных праведниках, которые не перевелись на русской земле. Судьба Андрея Сахарова, человека далеко не религиозного, а просто этически чистого показала, что ни абсурдный ни обдуманый прагматизм не являются еще абсолютными господами положения. Есть люди, которые убеждены, что в России снова взойдет солнце духовности.

Иное дело Индия. Там это солнце и не заходило. Муни – святые мудрецы, отшельники, аскеты никогда

не были там предметом насмешек, унижений, гонений. Наоборот они почитались и почитаются. Встретить святого, а тем более принять его в своем доме – желанная удача, большой почет.

Священные книги – веды, собрания древних мифов и легенд – пураны, ученые трактаты – шастры не изымались из библиотек, не предавались анафеме, а питали и питают индийскую духовность.

Люди здесь помнят и чтут своих богов.

Монастыри и храмы не рушились, а возводились; не разорялись, а поддерживались богатыми общинами.

Исторический поворот в жизни Индии – освобождение от власти англичан – связан с именем Махатмы Ганди – Великой души, противника насилия, человека, который унаследовал и нес в себе образцы индийской святости.

Я был на деревенской свадьбе в Гуджарате на родине Ганди среди сотен других приглашенных. Свадьба, начавшаяся с боя старинного барабана и праздничных восклицаний священника, длилась несколько суток. Без капли спиртного. Люди участвовали в древнем ритуале с богослужениями, шествиями, пирами, пением. Исполнялись духовные гимны и свадебные песнопения. Все знали мелодии. Все помнили слова. Простые крестьяне в обычной деревне. А я думал о том, что это именно та духовность, которую потерял мой народ. И когда сказитель катхи – слепой певец перебирал струны вины, я печалился не только печалью мелодии, но и тем, что ничего подобного дома нигде уже, наверное, не услышу. Просто потому, что та культура, которая жива здесь в полупустынях Индостана, там на родине почти избыта. Культурный слой – это тонкий пласт жизненно важного чернозема над бесплодной землей. Он создается тысячелетиями.

Спасибо Индии: она его сохранила.

Спаси Бог Россию: не дай ей известиего до конца.

- Алексей Смирнов.

СЛОВАРЬ

ЖЕРТВА*

Кумкум – красный порошок, которым женщины отмечают себе на лбу знак /пятно/. По поверью этот магический знак приносит удачу.

Сати – древний и давно запрещенный обычай, когда вдова ступает на погребальный костер вместе со своим умершим мужем.

Ришабх – первый из двадцати четырех титранкхаров – джайнских богов. Великий святой. Жил в незапамятные времена за многие тысячелетия до Христа.

КАТХА

Викрамадितья – царь, по имени которого названа эра Викрамадितьи, начавшаяся за 56 лет до христианской.

Сарасвати – богиня покровительница наук и искусств, супруга Ерахмы – одного из трех главных индуистских богов.

Сарасвати – река близь города Патан на севере Гуджарата.

Чайтра – шестой месяц индийского календаря, соответствует марту-апрелю.

Шетх – богатый купец, торговец, банкир, господин.

«Рамаяна» – эпическая поэма о подвигах героя Рамы.

Каушалья и другие – действующие лица «Рамаяны»

Сита-супруга Рамы

Аёдхья – столица древнего государства Кошалы.

МАЛЕНЬКИЙ МУНИ

Раджгрихи – историческая столица государства Магадхи.

СЛОВНО ЛОТОС В ПРОХЛАДНОЙ ВОДЕ

Малхар — вид народной мелодии.

Чатака — индийская кукушка; символ неразделенной любви.

Бихаг— традиционная мелодия о разлуке влюбленных.

Тика— кастовый знак; ставится на лбу /точка, полумесяцы, полосы и тому подобное.

Сваямбху— Возникший сам собою/эпитет бога Брахмы/.

Чакори — индийская куропатка; символ верной любви. ... \

Шраван — десятый месяц календаря; соответствует июлю-августу; сезон дождей.

ДЖАГРУ, ДЖАГРУ!

Ашрам — святая обитель.

Гуру — духовный наставник.

МОНАХ-ДРОВОСЕК

Магадха- древнее государство на территории современного Бихара в восточной Индии

Гаутамасвами — великий муні, непосредственный ученик Махавира.

МАТЬ ГРЕХА

Шлоки — санскритские двустишия.

Дхоти— кусок материи, в который заворачиваются мужчины.

НЕВЕДОМАЯ ВЕТКА, НЕВИДАННЫЙ ЦВЕТOK

Сурдас— великий средневековый поэт Индии, От рождения был слепым.

ДОЛГ

Шри- уважаемый, распространенное обращение.

Ожерелье махарани – ожерелье супруги махараджа.

Сиддхахема – классический трактат, в котором изложены правила древнеиндийского языка санскрита и шести пракритов – среднеиндийских языков.

Лакшми – богиня богатства, супруга Вишну – одного из трех главных /наряду с Брахмой и Шивой/ индуистских богов.

Лингам – мужской детородный орган из черного камня, предмет поклонений шиваистов.

Шива – бог-разрушитель мира, когда мир становится настолько греховным, что достоин гибели.

ИСПОВЕДЬ

Я стер кумкум со лбов тысяч женщин – то есть превратил их во вдов.

ВЕЛИКАЯ МАТЬ, ВЕЛИКИЙ СЫН

Вайшакх – седьмой месяц индийского календаря; соответствует апрелю-маю.

Картак – первый месяц календаря; приходится на октябрь-ноябрь.

Вина – струнный народный инструмент.

Навкар – приветствие-поклон.

Калиюга- четвёртый (последний) период космического цикла времени- железный век(наше время)

- Алексей Смирнов.

Books by Acharyashri Vatsalyadipsuriji

Novels

1. Mahasati Anjana

Short Novels

2. Mahan Mandir- Mahan Manavi
3. Mahasati Padmavati

Collection of Stories

4. Zakal Banyu Moti
5. Aus Bana Moti (Hindi)
6. Ranathi Zaran
7. Meghdhanushni Maya
8. Ek Khobo Zakal
9. Kalpataru
10. Antar Jyoto Zalahale
11. Bhitari Suraj Hajar
12. Koi Dali Koi Ful
13. Jain Stories Form Muni Vatsalyadip (English)
14. Akashne Daravaje Suraj
15. Dharatina Dariya Par
16. Prerak Jaina Kathao
17. Ful Vin, Sakhe!
18. Jaina Dharamani Agama Kathao
19. Amasa Ane Punam
20. Kirti Kalasha
21. Tyagano Vaibhav
22. Shital Pavan
23. Amrut Dhare Varaso
24. Haiyathi Honkaro
25. Meruthie Mota!
26. Tyagaye Vaibhav (Marathi)
27. Shrivakkathao (Parichay Trust, Mumbai)
28. Shramankathao (Parichay Trust, Mumbai)
29. Punyano Panth (Parichay Trust, Mumbai)
30. Ankh Chhip Antar Moti
31. Jaina Sanghana Prabhavshali Vidvano (Parichay Trust, Mumbai)
32. Inspirational Stories of Shrivaka (English)

33. Dharmana Mahan Upasako (Parichay Trust, Mumbai)

34. Koi Dali Koi Ful

Philosophy

35. Rat Gai Have Jago

36. Gata GULmahor

37. Tum Chandan Ham Pani

38. Bodhsutra

39. Paryushan

40. Prabhavana

41. Sukh Tamari Pratiksha Kare Chhe

Lectures

42. Jaina Dharma Ane Geeta Dharma

43. Bhavano Bhaya

44. Shrw Snatra Pujana Rahasyo

45. Jaina Dharma

46. Jaina Dharma (English)

47. Bhagavan Mahaveerni Agamvani

CreativeEditions

48. Suvichar

49. Sughosha

50. Durlabh Dharma

51. Sughosha (Bhagavan Mahaveer 2006mu Janma Kalyanak Varsh)

Biographies

52. Vishvavandya Vibhuti

Resarch

53. Kathachhatrisi

54. Jaina Sahitya: Ek Chhabi

Edition

55. Yoganishth Acharyashrini Atmavaani

56. Jainopanishada

Criticism

57. Jaina Sajzay Ane Marma

58. Ashtaprakari Puja

Miscellaneous

59. Axar ane Astitva

60. Shree Jaina Mahaveer Geeta

9 789351 626015

₹ 100